

АНИТА
ФЕВЕРС

РАФАНА

Издательский дом «КомпасГид»

Анита Феверс

Рагана

Серия «KompasFantasy»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69325240
Рагана / Анита Феверс; [авт. обл. Наталья Динер].: KompasГид;
Москва; 2023
ISBN 978-5-00083-779-5

Аннотация

Ясмена – беловолосая травница, бегущая от своего прошлого и скрывающая проклятый дар. Таких, как она, называют раганами, лаумовым отродьем, но чаще попросту ведьмами. Лишь они могут лечить раны, нанесенные существами из мира Нави. Несмотря на это, люди ненавидят и боятся раган, а огненные колдуны безжалостно охотятся на них. Всему виной события давно минувших лет, правда о которых сокрыта в Серой Чаще.

Случай приводит Ясмену в маленькую деревушку Приречье, где она находит друзей, любовь и новый дом. Но испытания не за горами: не все жители деревни рады ей, видения о Серой Чаще являются в кошмарах, а колдуны идут по следу юной раганы и совсем скоро настигнут ее.

Ясмене предстоит сделать выбор: вновь пуститься в бега или встретиться со своими страхами лицом к лицу? Ведь только ей под силу разгадать тайны прошлого.

Анита Феверс создает сказочные миры с запахом хвойного леса, свежестью дождя и горечью полыни. Написание книг стало для Аниты якорем, который помог ей удержаться в стремительно меняющемся штормящем мире. Ее первая книга «Рагана» – о людях и умении хранить веру в добро, о выборе и предательстве самых близких. И о том, как важно найти в себе силы, чтобы смело встретить то, чего так боишься.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	77
Глава 7	92
Глава 8	103
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Анита Феверс Рагана

© Анита Феверс, текст, 2021

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Пролог

Все должно было случиться на той самой Поляне.

Поляна была знатная: с высокой травой, в которой вспыхивали огоньки маков и золотились крупные ромашки; со своими холмами и равнинами, где жили князь-суслик и крылатый народ жуков-олений. Даже остров имелся – поваленный давным-давно и успевший позеленеть так, что и не разглядишь, ствол дуба. Детвора помладше с утра убегала на Поляну и резвилась там до самого захода солнца. По вечерам их сменяла молодежь. Жгли костры, тайком пили хмельной мед на травах, прыгали через огонь, держась за руки, пели и плясали. Поляне имя было ни к чему, она так и звалась – Полянкой. И все знали, о чем речь. Толкнешь плечом подружку, наклонишься заговорщицки к подсвеченному солнцем ушку и шепнешь: «Айда вечером на Поляну?» Подруга подмигнет и сожмет легонько твои пальцы – и без слов станет понятно, что да, конечно, кто же откажется от посиделок на поваленном дубе?

Но сегодня с Поляны разогнали всех – и детвору, и мо-

лодежь, и косарей, которым вдруг понадобилось скосить сухую, ломкую от жары траву, бессильно устилавшую потрескавшуюся землю. Смех один. Бабка Марьяна, горбатая, сморщенная, как кора вяза, но все еще звонкая, словно колокольцы в зимней упряжке, отходила взрослых мужиков полотенцем по спинам. Причитала она при этом, что таких дурней свет еще не видывал – надо же, вы б еще ковер перед лаумой¹ расстелили, как в княжеском тереме делают! Косари, ворча, будто сонные медведи, разошлись, но косы свои далеко убирать не стали. А ну как все же надо подготовить поле для чаровницы? Не приведи Сауле², еще разозлится и откажется помогать – что тогда делать?

Марьяна качала головой, повторяя присказку про дурней. В иное время вышеупомянутые незаметно вернулись бы обратно, тихонько окружили старушку и стали прислушиваться к ее трескучему ворчанию в надежде уловить хоть обрывок одной из многочисленных сказок. Не счесть, сколько чудесных историй помнила баба Маря. Но засуха выжгла любопытство из сердец людей. Поэтому Марьяна только щурилась по-прежнему яркие синие глаза и ворчала.

Солнце медленно карабкалось к горизонту. Подростки, восседавшие на заборе, вдруг ссыпались с него спелым горохом и покатались-побежали по вымощенным досками ули-

¹ Лаума – в мифологии народов восточного побережья Балтийского моря ведьма, которая ночами душит спящих, насылает кошмары и подменяет детей.

² Сауле – богиня солнца в балтийской мифологии.

цам, а голоса летели впереди них, распахивая ставни и отворяя двери:

– Идет!

– Как идет? Пешком, что ли? – недоверчиво спрашивали деревенские друг у друга. – Чаровница – и пешком?

– Да нет, едет она, дядя Авдотий! На рыжем коне! Лохматом! – один из мальчишек остановился, бурно дыша и больше жестаами, чем словами объясняя гончару его ошибку.

Гончар, тоже рыжий и кудрявый, расправил плечи и крикнул, оглаживая широкую бороду.

– На лошадке иное дело. Лошадкам отдых нужен, а там, глядишь, и задержится, успеем почет и уважение выказать...

Детские голоса уже звенели дальше по улице.

Марьяна выступала впереди нарядно одетых селян, по праву старшей встречая гостью. Они перешептывались и приподнимались на цыпочки, стараясь первыми углядеть чаровницу, и Марьяна усмехнулась: перед лицом чуда все люди ровно дети малые. Ворота чуть скрипнули, приветствуя лауму, и Марьяна поклонилась, досадуя на не к месту прихваченную спину.

– Лучом золотым тебе дорога, светлая лаума. Благодарю, что откликнулась на зов и пришла.

– Как же иначе, бабушка, – отозвался Марьяне звонкий девичий голосок, и худые жилистые руки помогли ей разогнуться. Горячие ладони погладили старую женщину по спине, и она тихо охнула от щекотки, что прокатилась по жи-

лам, вымывая боль и привычную, уже не замечаемую скованность движений. Марьяна осторожно выпрямилась и заморгала. Солнце... Просто солнце слишком яркое. Не следует лужицей растекаться на глазах у всей деревни, а то почувствуют волю и распустятся совсем...

Лаума – молоденькая, с двумя тонкими косичками цвета молока и васильково-голубыми глазами – хитро улыбнулась Марьяне, сморщив конопатый нос, но тут же посерьезнела и отстранилась. Прокашлялась, оправила простое платье из небеленого полотна и обвела взглядом взволнованных людей. Чем больше лиц она видела, тем синее становились ее глаза и строже лицо. Когда она закончила осмотр, Марьяна поняла, что ошиблась – перед ней стояла не девочка, но взрослая женщина, немало успевшая повидать за жизнь.

– Совсем плохо дело? – быстро спросила лаума. Люди, приготовившиеся к долгим рассказам, поначалу не поняли, переглянулись испуганно. Постепенно, один за другим они стали выкрикивать кто слово, кто два. Марьяна не мешала. Лаума слушала – всех разом и каждого по отдельности. Ветерок трепал подол ее платья, украшенный зеленой обережной вышивкой, и Марьяне показалось, что вместе с ветром синеглазую стал окружать туман. Повеяло прохладой. Коснувшись щеки, старая женщина растерла между пальцев мелкие капли, осевшие на коричневой от загара коже. Вздохнула тяжело, нервно дернув сухим горлом, а лаума уже выпустила ее руку и пошла в сторону Поляны, продолжая слушать де-

ревенских.

- Земля потрескалась, аж звенит под ногами...
- Урожай-то, урожай! Чем зимой кормиться будем?
- Я на продажу репу ращу, с чего мне траты покрывать?
- А у нас вся Поляна высохла!

Синеглазая водяница присела на корточки перед выкрикнувшим последнюю фразу малышом и опустила руки ему на плечи:

– Не бойся. Вы сделали все возможное, юные храбрые защитники. И я пришла, чтобы помочь спасти вашу страну. Ты ведь мне веришь?

Малыш, который еще минуту назад обиженно выпячивал губу и размазывал липкую надоедливую пыль по щекам, просиял улыбкой и закивал. Лаума выпрямилась и огляделась: перед ней расстилалась Поляна. Только теперь она была жалкая, бурая, выжженная злым солнцем и беззвучно плачущая о дожде. Князь-суслик давно убрался в новые земли. От жуков-олений остались только хрупкие панцири, рассыпанные возле гнезда. Где-то позади молодой ведьмы обреченно склонили голову посева, молящие богов хотя бы о капельке воды. Такой засухи в этих краях еще не бывало.

Лаума опустилась на колени и уперлась ладонями в растрескавшуюся землю. Ее глаза были закрыты, губы шептали что-то беззвучно. Глинистая сушь вздрогнула, словно живое существо, пробужденное от спячки. Люди, переглядываясь, откатились от чаровницы, вернулись под защиту знакомых

заборов и уже оттуда, с безопасного расстояния, продолжили наблюдать.

Лаума говорила, и в ответ на ее слова сгущался туман. Он поднимался вокруг женщины клубами, похожими на дым, уплывал в небо, но не таял, а будто наслаивался, и молочный покров становился все плотнее. Под ногами вздрогнуло раз, другой. Те, кто оказался похрабрее и ушел недалеко, охнули, когда пальцы чаровницы провалились в дерн, а из ямок под ними брызнула вода. Сначала несмело, крошечными нитками потекла она во все стороны. Потом сильнее и быстрее, пока целые ручьи не побежали по трещинам и выбоинам, делая круг и собираясь в одном месте – долине, где встретили свою смерть жуки-олени. Вода заполняла низинку, и хоть та была неглубока, но потоки ручьев безостановочно стекались к ней, как будто дна у нее вовсе не было. Озерцо наполнилось до краев, и на поверхности закачались желтые полосы высохшей осоки.

Лаума медленно вытянула руки из земли и вскинула их к небесам. Испачканные глиной и песком, они казались одетыми в красные перчатки, и кто-то передернулся, разглядев в их цвете кровь. Глаза лаумы по-прежнему были закрыты, но голос звучал ровно, в полную силу. Тем, кто рискнул вслушаться в слова, пришло видение: сизые отроги гор, пронзающих вершинами облака, и десятки хрустальных рек, сбегających по их крутым склонам. Они несли свои воды в долины, чтобы напитать всю сеть водяных жил, исчертивших Бе-

ловодье серебром. Над прозрачными потоками в воздухе искрились сотни радуг и сливались в одну – огромное Радужное колесо.

Запахло грозой. Вдалеке, пока только примериваясь, заворочался и вздохнул сердито гром. Робкие струи дождя огладили запрокинутые к небу лица прохладными руками. Дождь набирал силу, поил собой землю, от которой пошел белесый пар. Ребяшня с визгом носилась по лужам, да и взрослые, скинувши кто лапти, кто сапоги, не сильно от них отставали.

Марьяна стояла рядом с лаумой и успела подхватить покачнувшуюся женщину под руку. Та улыбнулась: глаза ее снова стали васильковыми, а не грозowymi.

– Все у вас будет хорошо.

* * *

Марьяна осторожно опустилась на лавочку возле своего дома, все еще не веря, что боль ушла. Лаум было мало, и их дара не хватало на всех. Какой доброй ни оказалась синеглазая, она не пришла бы просто вылечить спину старухе. Но помощь понадобилась большому поселению, и водяница откликнулась на мольбу. Впрочем, Марьяна чуяла: эта сразу не уедет. Скажет, что надо восстановить силы, и ненароком спросит, не надо ли кого подлечить по мелочи. После ее отъезда еще долго никто не будет маяться хворями. И уж точно

все детки рождаются здоровыми и крепкими.

Тот самый малыш, с которым говорила лаума, вскарабкался на лавку и потянул Марьяну за юбку:

– Баба! А хорошо, что лаумы вернулись?

– Хорошо, малой, а то как же, – важно кивнула старушка.

– Баба! А ты знаешь, как они дорогу-то обратно нашли? – не унимался малец.

Марьяна знала наперед все, что он скажет и о чем попросит, чай, не впервой они в эту игру играли. Но старой женщине было в радость рассказывать одну и ту же сказку. Быть может, потому, что она сама когда-то в этой сказке побывала.

– Да, баб Маря, расскажи, как лаумы в мир вернулись? – поддержал малыша Авдотий.

Марьяна, заплутавшая в своих мыслях, подняла голову и усмехнулась: вокруг собирались сельчане, рассаживаясь кто на траве, кто на принесенных лавках. В основном молодежь, но были и люди в возрасте, как рыжий гончар. Взглянув на буйный пламень его волос, Марьяна вспомнила другого рыжего мужчину. А еще – девушку с серебряными прядями в волосах и колдуна с глазами цвета смарагдов. Старушка пошамкала губами, ловя ниточку рассказа, и заговорила красивым звонким голосом, напоминавшим, что когда-то и она была молода и прекрасна.

– Ясмена ее звали. Она пришла к нам в Приречье вместе с осенним дождем...

Глава 1

Бойся своих желаний

Я проснулась от собственного крика.

Рывком села и невидящим взглядом уставилась в окно. В груди глухо клокотало, как будто тело заново училось дышать. На улице царила ночь, и луна была единственным свидетелем моего очередного кошмара. Я зашептала, как молитву, давно выученные назубок слова:

– Меня зовут Ясмена. Я человек. Я родом из Волыни.

Я слизнула солоноватые капли, пробежавшие по губам, откинула одеяло и встала с лавки.

– Меня зовут Ясмена...

К навьим тварям такие сны. Выплюсь в следующей жизни.

– И я – человек.

На мои вопли никто не прибежал: дом был пуст, и кроме меня, прикорнувшей в комнате под самой крышей, в нем можно было встретить разве что мышей. Я поплескала в ли-

цо ледяной водой из глиняного кувшина, стоявшего возле лавки, натянула штаны и рубаху из домотканого полотна и повязала на пояс любимый фартук – мягкий, как пух, из-за частых стирок. Как была, босиком спустилась в жилую часть дома и, не задерживаясь, скользнула на первый этаж. Вид знакомых склянок, подсвеченных любопытной желтоватой луной, заставил собраться, глубоко вздохнуть и сосредоточиться на деле. Лучшим средством от ночных кошмаров была работа, вот я и взялась посреди ночи растирать и смешивать травы. Привычное дело быстро захватило все внимание, позволяя не думать об образах, приходивших во сне.

Я не знала, сколько прошло времени, когда пальцы стало сводить судорогой, а в глаза словно насыпали песка. Усталость медленно, но настойчиво оплетала меня, как будто она прорастала из разошедшегося пола, а я случайно наступила прямо в ее сердцевину. Ног я почти не чувала, колени сгибались порой против моей воли. Руки дрожали, но я упрямо продолжала нарезать, толочь, смешивать, а после – рассыпать по тканым мешочкам и разливать по бутылкам темного стекла снадобья всех мастей. Хочешь настойку от головной боли? Пожалуйста. Маешься животом? И от этого найдется. Понесла нежеланного? А вот тут нетушки, иди к знахарю, пускай наперво осмотрит и скажет, можно ли прерывать и не опасно ли для девицы это будет.

Выверенными движениями я создавала лекарства и далеко не все из них собиралась завтра отдать хозяину дома.

Тонкий поникший фитилек плавал в плошке с маслом, давая света едва-едва – как раз столько, чтобы не спутать ингредиенты. И все же его было недостаточно: я то и дело шурилась и не ленилась лишний раз перепроверить, те ли травы положила в ступку. По правде, от луны, заглядывающей в окно, толку было и то больше, чем от дрожащего огонька. Увы, тяжелый стол из темного дуба – он смотрелся чуждо в полупустой скудно обставленной комнате – подвинуть к окну я не могла. Если только надорваться при попытке и возле этого стола и помереть, к чему, понятное дело, я не стремилась. Поэтому оставалось только наклоняться как можно ниже, почти утыкаясь носом в рассыпанные по столу травки, поминать навий³ и утешаться мечтой об увесистых монетках, которые я получу за свои снадобья.

Уже завтра старик Игнотий, знахарь из Полесья – того самого городка, куда завела меня судьба, – наконец отдаст оговоренную плату за месяц и я смогу пройтись по ярмарке не только чтобы поглазеть. Впрочем, дедуля немного отведет душу. Сложит серебрушки горсткой перед собой, глянет из-под густых седых бровей, а потом нарочито медленно выудит два кругляша из невысокой стопки. Обязательно отполирует их об рукав и положит на стол. Скажет:

– Надеюсь, ты не забыла, что я тебя не задаром жить пустил?

И усмехнется этак гаденько.

³ Навьи – в славянской мифологии нечистые духи.

Разве можно забыть то, что происходит из месяца в месяц, всякий раз разыгрываемое как по-писаному? Мой тяжелый вздох и смиренный кивок тоже выучены, будто роль в балагане глумцов. Я уже наловчилась одновременно подсчитывать иную прибыль – за проданные из-под полы склянки – и в то же время сохранять покорное выражение лица. Хотя порой так хотелось вскочить, наорать на старика, стукнуть кулаком по столу и забрать свои кровные... Я ведь нанималась в его лавочку травницей, а не прошло и пары месяцев, как на меня повесили составление лекарств, уборку и ведение амбарной книги. За весь мой труд Игнотий благосклонно позволил жить на чердаке не за четыре серебрушки, а за две. Впору бы послать его куда подальше... Увы – старый хрыч был и правда талантливым лекарем. Я надеялась научиться у него врачебным хитростям, но вот загвоздка – он не брал подмастерьев. Зато ему нужна была травница, а позже, когда очередная девка-чернавка сбежала с проклятиями, – и та, кто будет следить за хозяйством.

Вот поэтому я и оказалась в полночь за дубовым столом с зелеными по локоть руками. Я надеялась, что отмыть их удастся: некоторые смеси въедались в кожу так цепко, что я всерьез предлагала Игнотию красить ими заборы. Он, правда, честил меня безмозглой девицей, не понимающей истинную цену лекарств, и предложение с негодованием отвергал. Я же втихую проверяла свои догадки, записывала удачные смеси и хранила рецепты в заветном кожаном тубусе с за-

мочком. Его я не показывала никому и прятала в надежном месте, надеясь когда-нибудь обменять записи на звонкие золотые монетки-жароптицы, или попросту жарки.

Я со стоном разогнулась, потирая поясницу. Последняя бутылочка была закупорена и водворена в ящик, где уже стояли ее товарки. Я с тоской оглядела разруху, оставшуюся после работы, и, грешным делом, подумала, не поджечь ли всю лавочку, лишь бы не браться за веник и тряпку. Оттягивая время, скрутила волосы в пучок и спрятала под косынку, чтобы не мешались при уборке или поджоге – как пойдет.

Но моим разрушительным планам не суждено было сбыться. В дверь заколотили, потом стук перешел на протестующе задребезжавшее окно – Игнотий мог себе позволить настоящее стекло, – и свет луны закрыло чье-то искаженное мукой лицо.

В Полесье, где я провела последний год, смешивая травы и исписывая тяжелую амбарную книгу цифрами, меня воспринимали как девочку на побегушках при Игнотии. Посмеивались, но привечали, особого уважения не выказывали, но и не беспокоили. Мне того было довольно. Сила, дремавшая во мне, просыпалась нечасто, но, когда это случалось, никто не хватал меня за руку, если вдруг я отправлялась в трущобы, чтобы отнести несколько кульков травяных сборов живущим там детям. О том, как еще я им помогала, никто и не догадывался.

Если кто-то явился посреди ночи, значит, дело действи-

тельно важное. Вот только Игнотий уехал на два дня в соседний городок. Запряг смирную лошадку Василиску, бросил мне ключ от дома и наказал к его приезду заполнить лекарствами два ящичка. Он должен был вернуться наутро. Но человек, от ударов и криков которого вот-вот грозило вылететь стекло, пришел сейчас и до рассвета ждать явно не мог.

Я побежала к двери и быстро отомкнула замок. Мужчина ввалился внутрь, его лицо прочертили полосы слез, но я испугалась даже не этого, а того, как он стал хватать меня за руки и бормотать что-то, давясь словами и хрипя.

– Послушайте, пан, я ничегошеньки не поняла. Идите сюда. Сядьте. Вот так, – я пинком подогнала табуретку под ноги несчастного, и он не то что сел – рухнул на нее как подкошенный. Я повернулась к столу и выхватила из ящичка два пузырька. Мужчина снова попытался мне что-то объяснить, но я махнула ему, мол, обожди. В кружке быстро смешала по пять капель каждой настойки, плеснула туда воды и взболтала снадобье. Сунула кружку мужчине в руки и заставила выпить все. Телесная дрожь прекратилась почти сразу, но страх из его глаз никуда не делся. – Вот теперь говорите, что стряслось.

– Жена моя... Женка... Она в тяжести, должна была родить только через месяц. Сходила поутру на рынок, вернулась – лица нет. Прилегла, сказала, поспать хочет. А к вечеру ее скрутило так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Я думал сразу за знахарем бежать, а она останавливала. Я, дурак, послу-

шался! – с неожиданной злостью выпалил мужчина и дернул себя за волосы. – Ай, дурак я, дурачина, что ж я наделал...

– Так, не отвлекайтесь! Что с женой?

– Кровь из нее хлынула, – простонал мужик, и я нахмурилась. Плохо дело. – Много, словно озеро расплескалось. Я кровь видывал, но то в драке или когда нечисть задерет, а тут – баба брюхатая... Неправильно это. Жутко! Помогите, пани знахарка! Умоляю! Видит Гильтине⁴, все что угодно для вас сделаю! – мужик неловко свалился со стула и вцепился в край моего фартука. Я отшатнулась и вырвала ткань из его пальцев. В голове бешено скакали мысли.

Целый год я прожила в Полесье спокойно, выпуская на волю лишь крохи своей проклятой силы. За все это время мне удалось избежать внимания дейвасов и чьих-либо подозрений. И помочь сейчас несчастной роженице значит рискнуть всем. Вот только и отказать я не могла. По разным причинам.

Мужчина, по-видимому, не знал, что я не знахарка, а только травница. Он уже не умолял, а тихо плакал, уткнувшись лбом в пол у моих ног.

– Эй, – я наклонилась и тронула его за плечо. – Ребенок-то у вас какой по счету будет?

– Первый, – всхлипнул несчастный.

Я мысленно выругалась, потом подумала и повторила вслух. Не помогу сейчас – может статься, у них вообще ни-

⁴ Гильтине – в литовской мифологии богиня смерти.

когда детей не будет. Хорошо, если роженица выживет. И до утра выжидать времени нет.

– Да что ж такое, – простонала я и принялась собирать все необходимое.

Мужчина наконец приподнялся и сел на колени, следя за мной лихорадочно блестящими глазами и шмыгая красным распухшим носом. Похоже, он не сразу поверил в то, что я действительно собираюсь помочь. Я и сама не верила. Но быстро обулась, подхватила корзинку и кивнула.

– Показывайте дорогу, пан. И хватит рыдать, сделаю что смогу.

Выйдя на улицу, я поежилась и плотнее запахнула плащ. Густой липкий туман завладел ночью и ощупывал-оглядывал каждый уголок, куда только могли дотянуться его белесые пальцы. Вдалеке коротко взвыли собаки, но быстро смолкли. Долетели обрывки ругани и визг – верно, хозяин спросонья прошелся хворостиной по хребтам. Зря. В другой раз не залают, и вор уйдет безнаказанным.

Мужчина, так и не назвавший своего имени, шел впереди, то и дело оборачиваясь. Наверно, проверял, не передумала ли я, не развернулась ли обратно в лавку. Я только крепче стискивала ручку корзинки, где вздрагивали пузырьки, и ободряюще улыбалась ему в ответ. Не знаю уж, что ему виделось в свете луны, но после каждой моей улыбки он вздрагивал и почти переходил на бег.

Ночь стояла безветренная, и прогнать туман было некому. Начало листопада еще было пропитано сухой летней жарой с ароматом свежего сена и поздних яблок, но в темное время от тепла не оставалось и следа. Близился праздник Лешего, и суровые холодные ветры дули почти беспрестанно – тем жутче было сегодняшнее безмолвие. Словно затишье перед бурей.

Нам никто не встретился, и я порадовалась, что не придется отвечать на ненужные сейчас приветствия и объяснять, куда я так спешу. Конечно, всегда можно было махнуть рукой и крикнуть: «После скажу!», но вот только люди такие обещания никогда не позабудут. Припрутся в лавку, начнут расспрашивать, а там и до ушей знахаря дойдет – проблем не оберешься. Нет уж, сейчас я должна помочь новому человеку прийти в мир, и это важнее любых досужих разговоров.

Мужчина остановился перед домом, неуверенно теребя в руках шапку. Он тяжело вздохнул и крупно вздрогнул, глянув на меня шальными глазами, когда я положила руку ему на плечо. Он не спешил войти, а когда изнутри донесся полный мучительной боли стон, и вовсе попытался отступить.

Я стиснула его плечо, не давая сбежать, и спросила:

– Туда пришли?

Он кивнул, потом решил ответить и вслух, видно, для на-

дежности:

– Т-туда.

– Здесь стойте. Если я выйду и скажу, побежите по дороге к Олонцу. Там будет проезжать старший знахарь – пан Игнотий. Встретите и поторопите, расскажете, что случилось.

Впервые на лице мужчины отразилось сомнение. Он наморщил лоб, но прежде, чем успел задать вопрос, я легонько его оттолкнула и пошла в дом. Ступив на крыльцо, все же обернулась и бросила:

– Я сделаю все, чтобы ей помочь.

Роженица лежала на кровати. Ее лицо было бледно, воздух с присвистом выходил из приоткрытого рта. Я думала, что живот будет огромным – одной из причин мог стать крупный ребенок, – но ее животик, напротив, оказался маленьким и ладным. Со спины наверняка и не догадаться было, что женщина в тяжести.

Рядом с ней сидела местная повитуха. Я мысленно помянула навий: надеялась, что никого не встречу, сделаю свою работу и уйду. Но видимо, муж роженицы сначала побежал за повитухой и только потом, когда та не справилась, бросился к знахарю. Повитуху звали Жанина, и она прекрасно знала, кто я такая. Игнотий раз в месяц лично смешивал большую партию лекарств для Жанины и отправлял меня их отнести.

Жанина вскинулась на звук шагов и недоуменно нахмурилась при виде меня. На ее лбу блестели капельки пота, пряди

волос цвета соли с перцем прилипли к коже. Странно: мне, напротив, показалось, что в избе холодно. Жанина выпрямилась и отерла лоб рукой. Несмотря на простоватый вид, у этой женщины был сметливый ум – она не стала меня спрашивать. Бросила только:

– Надеюсь, ты успела чему-то научиться у Игнотия.

И отодвинулась, подпуская меня к кровати.

Жанина не знала, что я и без умений знахаря могу помочь несчастной женщине. Вот только для меня это обернется огромной бедой.

Я поставила корзинку на пол, омыла руки в тазу с горячей водой, на которой указала Жанина, и подошла к кровати. Присела с краю и тронула лоб женщины – он и вправду был холоден, словно лед. В комнате висел запах трав, трехногая жаровенка в углу едва курилась сизым дымком. Я откинула одеяло и огладила маленький животик, напевая легкий заговор. В ответ мою ладонь слабо толкнули, как будто ребенок внутри повернул головку на звук. Я продолжила петь, чуть изменив тональность, – и по коже разбежались огненные нити, сплетающиеся в ручейки. Тело роженицы ровно посередине вспыхнуло, словно мерцающие угли. Жанина сдавленно ахнула и закрыла рот фартуком, во все глаза глядя на происходящее. Женщина на кровати застонала и выгнулась дугой, уставившись в потолок незрячими глазами.

Роды и без того работа нелегкая. Но когда рожает от

блazenя⁵, они и вовсе превращаются в действо, невозможное для человеческого тела. Вряд ли кто-то рассказал женщине, жаждущей младенца, что она не сможет родить навье дитя. Оно просто разорвет ее в попытке выбраться на свет.

– Боги милосердные, защитите... Яся! Что делать-то? – выдохнула Жанина, не отнимая фартук ото рта, как будто пыталась прикрыться им от присутствия нечистого духа. Как-то враз она словно уменьшилась, от растерянности ее лицо помолодело и поглупело. Я не ответила, продолжая водить руками и касаться то лба, то сердца, то живота несчастной, слишком хотевшей стать матерью. От каждого моего прикосновения по огненным ручейкам пробежала волна света, как будто в них билась живая кровь.

– Выйдите, панна Жанина.

– Но ведь надо дейваса позвать! Мы не сладим!

– Вы – нет. А вот я попробую.

– Ты совсем сдурела, девка?! – Жанина вспыхнула яростью быстро, словно сухая лучина, но за нею угадывался страх. Неожиданно – за меня. – Ишь чего удумала! Решила следом пойти? Так для тебя, пришлой, могилу копать никто не будет, собакам скормим.

– Поперхнута, – невозмутимо отозвалась я и указала на дверь. – Выйдите, панна.

– Да провались ты пропадом, дурная! – я думала, повитуха грохнет дверью, но она закрыла ее едва слышно, шепнув что-

⁵ Блазень – в славянских преданиях призрак, привидение.

то в уже закрывающуюся щель. Что ж, я надеялась, что это пожелание удачи.

Я растерла ладони, вытягивая последние ноты заговора. Огненные жилы чуть погасли, и живот женщины, продолжавшей безучастно смотреть в потолок, заволновался. Особенно резкий поворот – и изо рта несчастной хлынула кровь, залившая подбородок и грудь. Щекотная сила уже разливалась у меня под кожей, пенясь, как игристое вино, которым меня угощал когда-то мамин знакомый. Она все ширилась и ширилась, и, когда заполнила меня до отказа, так, что еще чуть-чуть, и выплеснется наружу, – граница истончилась, и я упала в Навь.

Здесь силуэт женщины почти не угадывался. От него осталась только серая оболочка, высосанная и опустошенная, как попавшая в цепкие паучьи лапы беспечная бабочка. Зато маленький блазень светился, накормленный чужой жизненной силой. Он повернул в мою сторону зубастую мордочку и оскалился. Напасть ему не позволял плен материнского тела, но я видела, что еще чуть-чуть – и тварь пустит в дело когти, убивая мою подопечную.

Я боялась, что мы опоздали. Но повезло – пара мгновений в запасе все же оставалась.

Глава 2

Непрожитые жизни

Я запела колыбельную.

Тихие ласковые слова текли журчащим ручейком, будто передо мной было не чудовище, а крохотный малыш, такой умилительно-сладкий, что жуть как хочется скорей взять его на ручки. Блестят умные глазенки. Молотят по воздуху крепко сжатые кулачки. Чуть высунут кончик розового языка. Старательно вырисовывая образ перед глазами, я продолжала мурлыкать простенький напев. Блазень притих и слушал, временно перестав терзать несчастную мать. Я крохотными шажочками двигалась вперед, напевая, какой он хорошенький, какие добрые сны ему снятся, вот и я – всего лишь одно из таких видений...

Блазень рыкнул и извернулся в животе, заставив женщину мучительно застонать, стискивая белыми пальцами простыни. Не то. Не о том пою. Какие же добрые сны у навьей твари? Полно, Ясмена, соберись наконец. Тут иная мелодия

нужна.

Во рту стало горько и кисло одновременно. Привкус крови поселился на языке, и меня тут же замутило. Хуже нет испытания, чем чувствовать то же, что и созданные из незалежных покойников существа. Они еще помнят – нутром своим темным, гнилым, давно уже не знающим, что такое быть человеком, – помнят, как когда-то их мертвые предки ходили промеж живых, как у себя дома, как живые женщины рожали мертвых детей, как страдали люди, не видя света ни в жизни, ни в душах своих. Когда Перкунас провел границы, разделив единый мир на три, мертвецы еще долго пытались пробиться в Явь. Некоторым это все же удалось – их-то и стали звать навьими тварями.

Мама не умела влезть в их шкуру, а я могла. Вот только цену потом платить мне за это приходилось собственным телом. Обряды очищения проводить, пока не избавлюсь от привкуса Нави на языке, и чувствовать голод, неизбывный и страшный, и лютую зависть к живым – отголосок той тоски, что испытывает каждая из этих тварей.

Теперь я пела о древних временах. О сладком вкусе свободы. О том, что чувствуют не-мертвые, касаясь живой плоти и вкушая живую кровь. Блазень снова затих, прислушиваясь. Потом заскулил жалобно, суча лапами, будто паук, запутавшийся в собственной паутине. Я была уже совсем рядом, тянулась к нему руками, чтобы погладить, успокоить, сказать, что он тоже узнает, что такое жизнь, настоящая го-

рячая жизнь...

– Не дожدهшься, упыренок! – рыкнула я, обрывая мелодию и хватая блазенья за горло ослепительно вспыхнувшими пальцами.

Когда все закончится, ладони будут изрезаны до кости. Обычная плата за схватку с навьей тварью. Маленький блазень бился в моих намертво сжатых руках и визжал, полосуя когтями воздух вокруг, рассекая кожу, жилы и мясо, словно острой бритвой. Я терпела, стиснув зубы и сдавливая пальцы все сильнее, так что они онемели. Как только я коснулась немертвого, для роженицы он стал не опасен, всю свою ярость перекинув на меня. Помня об этом, я выдохнула и резко свернула блазенью шею, выкручивая ее, как мокрую тряпку. Гроыхнуло, раздался звук лопнувшего стекла, и меня отбросило от кровати, забрызгав кровью, отхаркнутой роженицей. Вместе с ней тонким черным дымком вышли и остатки блазенья, оставив женщину чистой, хоть и без сознания.

Я отшатнулась, запуталась в собственных ногах и хлопнулась назад. После схватки с навьей тварью в ушах звенело, а тело казалось легким-легким, будто я вдруг стала одной из самовил – крылатых дев, живущих на отрогах Белых гор. Прекрасное чувство, если только забыть о расплате, что придет после.

Я кое-как поднялась и, покачиваясь, вернулась к кровати. Женщина, имя которой я так и не узнала, еще не пришла в себя. Ее живот, опавший и мягкий, казался чужим. Ничего,

пара дней хорошего ухода и крепкого сна, и она позабудет все случившееся. Вот только детей у них с мужем никогда не будет. Там, в Нави, я видела ее как на ладони и теперь знала, что ее тело не расцвело. Не поможет ни знахарь, ни даже подобные мне – раганы⁶. Наумовы отродья, которых люди одной рукой привечают, а другой отправляют на костер.

Я принялась мягко омыwać спасенную. Она дышала тихонько, спеленутая целебным сном, и я не спеша очистила и передела ее. Постояла минуту, глядя в заострившееся лицо: милый носик, длинные ресницы, красивые губы. По подушке рассыпались потускневшие светлые волосы, и я представила, как они отливают пшеничным золотом на солнце. Должно быть, мужчина, ждущий за дверью, обожает жену. Но будет ли он любить ее так же сильно, когда узнает, что она пустоцвет, я не знала.

Надо было бы кликнуть его, но я нерешительно замерла перед дверью. Как поведать, что произошло? Сказать, что младенец родился мертвым? Тогда несчастный отец попросит маленькое тельце, чтобы похоронить по-людски. Сказать правду? Но она может стать мне приговором. Ведь я не знала, не побежит ли он доносить обо мне дейвасам.

Судьба решила все сама: дверь распахнулась, больно ударив меня по пальцам поднятой руки, и на пороге возник тот самый мужчина. Он цеплялся за меня отчаянным взглядом, а я открывала и закрывала рот, пытаюсь начать тяжелый раз-

⁶ Рагана – в прибалтийской мифологии ведьма.

говор. Но несчастный и без слов быстро все понял – лицо его потемнело и оплыло, будто горе притянуло его к земле.

– Милана выжила? – прошептал он.

Я чуть было не переспросила, кто такая Милана, но сообщила, что так зовут его жену. Я кивнула, и он кивнул в ответ. Скривился на миг и быстро отер глаза рукавом.

– Можно к ней?

– Даже нужно. Ей надобны будут хороший присмотр и забота, когда она очнется.

– Все сделаю. Вот только ребеночка... надо бы...

Я не спешила отвечать. Сначала обогнула поникшего мужчину и выбралась на крыльцо. Отошла на шаг, будто бы подышать после трудной работы. Потом набрала побольше воздуха и выдохнула неожиданно тихо, кожей чувствуя, как рушится мой не слишком уютный, но известный и тщательно выстроенный мирок. Эх, ведь почти год продержалась...

– Нечего там хоронить. Ваша жена встретила блазенья и попросила у него одно желание. Он его и исполнил. Только вместо вашего с ней ребенка посадил в нее свое отродье. Милана не сумела бы разрешиться от бремени. Маленький блазень забрал бы ее жизнь в уплату за услугу, хоть исполнена она совсем не так, как ей хотелось.

Мужчина замер на пороге горницы, вцепившись в косяк пальцами так крепко, что костяшки побелели. Я испугалась, что у него станет плохо с сердцем, но он выпрямился и оки-

нул меня взглядом с головы до пят.

– Так вот кого пригрел на груди знахарь. Ядовитое лаумово семя. А я, значит, не разглядел. Сам, своими руками привел в дом ведьму Отродье, сгубившее нашего первенца. Старый дурак, – мужик свесил голову и усмехнулся коротко и зло.

Когда он снова посмотрел на меня, я принялась медленно отступать в сторону улицы, не сводя с него глаз. Как с дикого зверя: вот-вот бросится.

– Блазень и неистовое желание родить – виновники вашей беды, – попыталась оправдаться я. – Я спасла жизнь Миланы, иначе вы были бы уже вдовцом!

– Может, и зря, что не стал. Каково мне теперь будет жить с той, кого коснулась лаумова дочь? – прошипел мужчина, и его лицо исказилось.

Он рванулся вперед, желая схватить меня за руку, но я увернулась и бросилась прочь, лишь на полпути вспомнив, что забыла корзинку с лекарствами возле кровати Миланы.

Ее муж что-то орал мне вслед, но я неслась по улицам, медленно наполнявшимся розовым сиянием восхода, и костерила себя на чем свет стоит. Опять на те же грабли наступила. Опять не смогла просто отвернуться и не пользоваться своим проклятым умением лечить увечья и болезни, нанесенные навьими тварями. И снова придется хватать все, что есть ценного, и бежать со всех ног из этого города, молясь Светозарной Сауле и Небесному Кузнецу, чтобы мест-

ные дейвасы оказались ленивыми и не сразу кинулись проверять навет мужчины.

В лавку Игнотия я ворвалась, дыша так, словно раздувала кузнечные мехи. Взбежала по лестнице на свой чердак и принялась сметать в давно заготовленную суму все, что было мне дорого. В считанные минуты собрав вещи, я на мгновение застыла посреди комнаты, с тоской оглядываясь. Застеленная лоскутным одеялом лавка, широкий подоконник, на котором так удобно было сидеть и любоваться на звезды, связки трав, сушившихся под потолком... Этот дом так и не стал мне родным, но уходить все равно было больно.

Я спустилась обратно и кинулась к дубовому столу, где ровными рядами стояли зелья, которые я не успела убрать из-за появления мужа Миланы. Пробежала пальцами по темному стеклу, выхватила несколько флаконов и сунула в сумку. Жаль, что не успела получить свои серебрушки, но эти бутылочки вполне могут согдиться в уплату за мои труды.

– Далеко собралась? – клюнул в спину скрипучий голос Игнотия.

Я вздрогнула и медленно обернулась. Старик знахарь стоял между мной и дверью. Я почти что кожей чувствовала, как уходят минуты, приближая ко мне дейвасов, и от этого ощущения все тело начинало зудеть. Мои пальцы сжимали ремень сумки, а ноги нетерпеливо подрагивали от желания сорваться в быстрый бег.

– Отойди, Игнотий, по-хорошему прошу.

Если знахарь и удивился ледяному тону, которого ни разу от меня не слышал, то виду не подал. Заложил руки за спину и покивал, как будто я сказала именно то, чего он ожидал. От его следующих слов я заморгала растерянно, не понимая, чудится мне или старик на самом деле произнес именно это.

– Все-таки не сдержалась, значит. Ну и кого вытянула из Нави? Чтобы я знал, кто такой неблагодарный в нашем Полесье обитает.

Я поперхнулась и покрутила головой.

– Женщина по имени Милана. Она зачала от блазенья. Я вытравила плод, мать выживет. Но ее муж, кажется, ополоумел от горя и решил, что это я во всем виновата.

Внезапно осмелев, я выпалила:

– Присмотрите за ней, пожалуйста! Как бы муж чего плохого ей не сделал, он сейчас не в себе.

– Я-то присмотрю, – Игнотий потер подбородок. – Вот только ты куда пойдешь?

– Я не знаю...

Знахарь задумался, а потом решительно вскинул голову и хлопнул в ладоши:

– В седмице пути по северному тракту есть волость, зовется Приречье. Там живет мой старый друг. Полагаю, он кузнец – Бур всегда любил работать с оружием. Скажи, что я тебя послал. У них там целители не задерживаются. А вот рагана может и прижиться.

– Почему вы мне помогаете? – я стиснула ремень сумки,

сама не зная, что хочу услышать в ответ.

Но Игнотий только покачал головой:

– Лаумы не были злом изначально. Не являются им и раганы. Я буду рад, если вас станет больше. И раз мне выдалась возможность помочь хотя бы одной – я воспользуюсь ею без раздумий. Знаешь что, погоди-ка минутку.

Знахарь дохромал до дубового стола, пошарил по нему и нажал какие-то детали рисунка, украшающего резные бока. Посередке стола, потревожив несколько склянок, с щелчком приподнялась крышка. Игнотий бережно достал из-под нее сверток и протянул мне. Я приняла его с осторожностью, а когда развернула – почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Чудесные лекарские инструменты остро блеснули в лучах восходящего солнца. Купить такие было невозможно – их делали Мастера и только по личной, дружеской просьбе. Я благоговейно тронула тонкий скальпель: на его рукояти раскинула крылья птица-буревестник. Уж не тот ли самый Бур создал эту красоту?

– Но почему? – подняла я голову.

– Я же сказал, – Игнотий нахмурился так привычно, что, если б мне в спину не дышали огненосцы, я бы рассмеялась. – Я хочу, чтобы умения раган не пропадали зря. Владей ими, а после передай своей дочери.

Я поклонилась так низко, что край белой косы мазнул по полу, а потом не выдержала и крепко обняла старика. Он

отодвинулся первым и замахал на меня руками, словно хозяин, загоняющая непоседливых кур:

– Не теряй времени понапрасну! Иди уже прочь, непутевая!

За мной захлопнулась знакомая дверь в коричневых разводах, отсекая очередную несложившуюся жизнь.

Глава 3

Чеснок для ведьмы

Конь переступил с ноги на ногу и сердито взмахнул хвостом. Скакуну совсем не нравился этот листопад, и я была с ним согласна. Казалось, что вся вода, которой так недоставало жарким летом, наконец прорвала небо и обрушилась на захлебнувшуюся землю. Дожди смыли листву, едва она загорелась красным и золотым. Остались только кривые лапы деревьев, протянутые к небу с безмолвным вопросом: «За что?» Дороги развезло, и конь со смешной кличкой Пирожок, и я, угрюмо сутулившаяся на его спине, были одинаково забрызганы грязью.

Я потрепала Пирожка между ушей и тяжело вздохнула:

– Не знаю, какой прием нас поджидает впереди, но еще одна ночевка под дождем меня доконает. Да и припасы заканчиваются. Заедем, вдруг повезет.

Пирожок с сомнением покосился на меня лиловым глазом и фыркнул. Но все же двинулся вперед, загребая длинными

ногами жидкую грязь.

Пошла вторая седмица, как я поминала Игнотия nelасковым словом. Иногда просыпалась колючая совесть и покусывала мелкими острыми зубками: дескать, инструменты-то он тебе отдал. Я соглашалась и тут же вопрошала у незваной гостьи: почему тогда он не указал точное направление? Совесть умолкала, а дождь продолжал размывать дорогу, которая вела куда угодно, но только не к сказочному Приречью, о котором почему-то никто не слышал.

Дождь нещадно лупил по плечам, заливал глаза и сыпал горохом в мелкие лужи на обочинах. Я мимолетно порадовалась, что, кроме нас с Пирожком, других сумасбродов, чтобы путешествовать в распутицу, нет. Не придется толкаться боками и объезжать неповоротливые телеги, которые наверняка застряли бы посреди дороги. Жаль, на этом хорошее заканчивалось.

Водяная завеса чуть посветлела, и мне почудилась слева какая-то постройка. Я сдвинула край капюшона и присмотрелась. Глаза не подвели: впереди виднелся высокий забор. Он потемнел от времени, но сработан был на совесть. Некоторые столбы выделялись более светлым цветом, а значит, их недавно обновляли. Кое-где мягкие древесные волокна оказались вспороты, будто кто-то драл их острыми когтями. Похоже, здесь не понаслышке знали, как выглядят навьи твари. Захотелось проехать мимо, но дождь словно почувал мои мысли и ударил сильнее, будто нарочно загоняя меня в

незнакомую деревню.

Я облокотилась на луку седла и призадумалась.

Названное Игнотием Приречье словно бы и не существовало в Яви: никто про него не слышал и не мог указать, где оно находится. Я не рисковала задерживаться во встреченных на пути селах и ехала все дальше по северному тракту, чувствуя, как холода дышат в затылок. Приближалась зима, и мне нужно было найти место, где я могла бы переждать до весны.

Пальцы начали зябнуть, и я спрятала их в густой гриве Пирожка, снова порадовавшись удачной покупке. Подумать только, а ведь пройди я тогда мимо, и доброму широкогрудому скакуну настал бы бесславный конец...

* * *

Хоть в последнем городке с мелодичным именем Рябинник помочь с местоположением Приречья мне тоже не сумели, зато судьба привела в Конский ряд.

Хозяин думал, что конь вот-вот отбросит копыта, и потому запросил за него всего две серебрушки – цена сытного ужина на двоих да ночевки в хорошей корчме. Больше за него в тот момент даже живодеры бы не дали. Будь скакун здоров, цена была бы не меньше трех жарок. Но с лошади, которая пала от яда навьих тварей, шкуры не сдирали и мяса ее не трогали – а у несчастного сипло дышащего коня, как

по-писаному, были все признаки укуса. Которые, впрочем, легко перепутать с обычной водянкой, если рядом нет того, кто умеет отличать одно от другого. Волхва, к примеру.

Или раганы.

Ругающийся торговец поджидал каких-нибудь смельчаков, чтобы продать им порченный товар на приманку для навий. Но вместо охотников явилась я.

Невольные свидетели сделки крутили пальцем у виска и пытались остановить сумасшедшую девку, которой не жалко было денег за полумертвого доходягу. Но я только придурковато улыбалась в ответ. Особо заботливым прямо в ухо начинала голосить, как сильно устала от тяжелой жизни. Потом зловеще хрипела, что намерена покончить с собой, будучи сожранной нечистью. Советчики смотрели на меня как на умалишенную, складывали пальцы в охранительный знак и исчезали с глаз долой. Мне того и надо было.

Кое-кто, правда, побежал за дейвасом, заподозрив во мне нечистую силу. Но даже если служитель и впрямь согласился заглянуть в Конский ряд, то найти там никого он уже не мог. Потому что я взяла под уздцы покупку и была такова. На ночлег я остановилась, только когда купола храма Перкунаса, возвышающегося посреди Рябинника, окончательно исчезли из виду.

Черное небо, как всегда в листопад, улеглось раздутым брюхом на макушки деревьев. По нему проносились густые, как кисель, облака. Я глянула на них и поежилась, кутаясь

в плащ. Нерешительно посмотрела на молчаливый угрюмый лес, но все же ночевка на открытом месте пугала сильнее, и я свернула в чащу, крепко сжимая поводья тогда еще безмянного коня. Животина послушно пошла следом.

Выбрав место для ночлега, я быстро развела костер, согрела воды из обнаруженного неподалеку ручья, засучила рукава и занялась повесившим голову конем.

– Будь умницей, и мы подружимся, – шепнула я в лысоватое ухо.

Конь только вздрогнул в ответ на мои увещевания. Кажется, ему и правда было настолько все равно, что, даже если бы я на самом деле скормила его волкам, он был бы только рад избавлению от страданий.

Пока четвероногий медленно хрустел яблоком, низко опустив голову, я занялась приготовлениями. Тщательно промыла подаренные Игнотием инструменты согретой в котелке водой. Во втором, маленьком, уже булькала над костром мазь. Над местом ночевки плыла вонь свиного сала, странным образом мешавшаяся со свежестью мяты. Я стопкой выложила ровные отрезы холстины и глубоко подышала, унимая сердцебиение. Потом взяла тонкий ножик и подошла к коню. Какое-то время медленно гладила его по храпу⁷, успокаивая то ли себя, то ли пациента. А потом одним резким движением вскрыла большой гнойник, разросшийся на горле скакуна и почти уже удушивший его.

⁷ Храпом у лошадей называют переносицу.

Над лесом вставал рассвет, когда я наложила последний шов и со стоном разогнулась, вытирая испачканные руки единственной оставшейся чистой тряпкой. Конь изумленно тарачил глаза и осторожно крутил головой, проверяя, правда ли он снова может нормально дышать и шевелиться. Я хлопнула его ладонью по морде и погрозила пальцем:

– Не вертись, а то нитки порвутся, придется заново шить. А травок, глушащих боль, у меня не осталось.

Спина и руки болели нещадно, устав мять, растирать и выдавливать гной и сукровицу. Потому, в последний раз проверив, хорошо ли наложен шов, я привалилась к теплому конскому боку и мигом уснула. Правда, помолиться богине зари Сауле, чтобы не было сновидений, успела.

Как обычно, Сауле меня не услышала. Но мрачное пробуждение скрасила довольная хитрая морда, из зубов которой торчал недоеденный пирожок. Так конь получил свое имя, а я порадовалась, что не придется брести по тракту пешком.

Уже забрасывая землей следы нехитрого ночлега, я заметила пучок лечебных трав, перевязанный зеленой ниткой осоки. Настой из этих листочков затянул бы рану Пирожка в несколько раз быстрее, но добыть их посреди осени было невозможно. Я резко вскинула голову, оглядываясь по сторонам. Лес молчал, все такой же угрюмый и мокрый, пахнувший сырой корой и палой листвой. Я протянула руку к подарку, поколебалась, но все же взяла. Когда я подняла пучок

с земли, мне показалось, что под ним было что-то похожее на туман. Впрочем, странная дымка быстро развеялась, и я решила, что мне почудилось. Кем бы ни был таинственный даритель, добить скакуна он мог, пока я спала, – это было бы быстрее и дешевле, чем делиться дорогим лекарством. Поэтому чего зря добру пропадать? Все в дело пойдет.

* * *

Пирожок вытянул морду, принюхиваясь, и затрусил шустрее. Вскоре и я почуяла запах свежей выпечки. Живот светло болезненной судорогой от голода. Деньги закончились несколько дней назад, и все, что у меня оставалось, – лекарские инструменты, моя сумка, конь и пучок лесных трав. Я поморщилась при мысли, что если мне не позволят осесть в этой волости или хотя бы подзаработать монет, то придется продать скакуна. Ведь я только успела привыкнуть к Пирожку.

Частокол вырос перед нами внезапно, будто мы и не неслись к нему во весь опор сквозь хляби небесные и земные. Я натянула поводья, и Пирожок послушно замер. Я с трудом сползла с мокрого конского бока и тут же утонула чуть не до самого края сапог в холодной луже. Тихо выругавшись, плотнее запахнула плащ и побрела к забору. В душе (или, скорее, в пустом животе) теплилась надежда, что, раз есть тын с воротами, должен быть и сторож, который может их

открыть.

Я сжала онемевшие от холода пальцы в кулак и со всей дури заколотила в очищенные от коры бревна. На удивление быстро среди них открылось маленькое оконце, в котором возник внимательный прищуренный глаз. Глаз оценивающе осмотрел меня целиком, от извасюканных сапог до прилипшего к голове капюшона, поморгал на хмурого Пирожка, а потом сменился нижней частью лица, украшенной густой темной бородой:

– Чего тебе, ведьма?

Я сунула ладони в подмышки и отозвалась в ответ:

– А вам чего, старче?

– Я тебе не старче! – возмутился сторож. Я пожала плечами и вздрогнула от первой просочившейся за шиворот струйки.

– Так и я не ведьма.

– А чего на дороге делаешь в такую дурную погоду? Всем известно, что в распутицу дома сидеть надуть, а на улице только навьи и шастают!

– Так нет у меня дома-то, – развела я руками и тут же вернула их обратно – хоть немного отогреть. – Вот хотела купить еды и погреться. Как только дождь стихнет, поеду дальше.

– Ишь какая хитренькая! Я тебе открою, а ты мне и горло перегрызешь!

– Так позовите кого-нибудь с серебром, огнем и вилами. Ах да, чеснок не забудьте.

Сторож задумался:

– Чеснок-то зачем?

– В суп покрошу, – пояснила я и шмыгнула носом. Борода в окошке снова сменилась глазом, затем другим, потом все части лица исчезли в дождевой серости и из-за тына слышались спорящие голоса. Но все перекрыли зычный бас и звук пары затрещин, после чего ворота отворились ровно настолько, чтобы мы с конем протиснулись внутрь.

Первым, что я увидела, оказались наставленные на меня вилы. Держал их хозяин морщинистого лица – хорошо держал, уверенно, выпятив бороду и сжав губы. Бок о бок с ним высился настоящий человек-гора. Наверно, он выглядел жутко, но я слишком устала и замерзла, чтобы пугаться козой сажени в плечах и лица в ожогах. Ну или просто все кузнецы чем-то сходны между собой.

Третьим, немного наособицу, стоял мужик средних весен, крепостью тела похожий на гриб-боровик. Он широко расставил ноги, прочно уперев их в землю. Руки уткнул в бока. Меня рассматривал прямо, плотно сжав губы. Чутье подсказало: сам голова пожаловал к воротам. Я удивилась – не ожидала, что облеченный властью вылезет в такую непогоду из-под защиты теплых стен, но вот же – стоит. Я поклонилась в пространство между ним и кузнецом и откинула капюшон. Мужичок с вилами сплюнул и угрожающе шагнул ко мне.

– Истинно ведьма! Вот чуяло мое сердце, не надо ее пускать, а вы...

– Помолчи, Бреготта, – буркнул кузнец.

Названный Бреготтой ворчать не перестал, но все возмущение дальше звучало едва различимо, теряясь в густой бороде. Кузнец кивнул на мою косу и прогудел:

– На ведьму ты, девка, не похожа. Но с такими волосами на тракте вряд ли спокойно. Не боишься?

Я пожалала плечами. Волосы как волосы, ну и что, что седые? По первости все орут: «Ведьма!», уже привыкла. Да и не объяснять же каждому встречному, что краска мой бело-серебристый цвет не берет. Из-за волос меня пытались убить только в паре волостей. Куда чаще опасность исходила от сластолюбцев, решивших, что молодуха охотно ляжет под любого, кто пообещает ее кормить и одевать. Почему-то слово «нет» знакомо очень малому количеству мужчин.

– Я могу за себя постоять.

– А в наше Приречье зачем пожаловала? – промолвил голова.

– Я уже сказала вашему доблестному стражу. Хочу согреться и поесть. После этого готова предложить свои услуги травницы. Ну а если работы нет – тогда буду благодарна, если скажете, кому я могу продать коня.

Уже договорив, я вдруг осознала, что он сказал. Приречье! Это же та самая волость, про которую говорил Игнотий!

Пирожок возмущенно всхрипнул и боднул меня в спину, намекая, что он продаваться совершенно не согласен. Я украдкой вздохнула, едва сдержавшись, чтобы вздох не пе-

решил в зевок. Коня было жалко до слез. Но себя еще сильнее. Потому что добрая животи́на хозяина найдет без труда, а вот я никому не нужна, и по-другому никогда не будет. Потому мне придется выживать любой ценой – даже ценой расставания с другом.

– В наших краях распутица длится не один день, – голова и кузнец с сомнением переглянулись.

– Если вы переживаете, что я у вас задержусь...

– Батюшка! – отчаянный женский крик перебил меня.

По лужам, подобрав юбки, бежала женщина, и, судя по тому, как голова чуть скосил глаза, звала она именно его. Добежала – простоволосая, запыхавшаяся – и вцепилась в рукав, продолжая голосить:

– Батюшка Артемий, Марьяне хуже!

Голова побледнел и, кажется, забыл о моем присутствии. Повернулся к всхлипывающей женщине и сжал ее руки в своих.

– Ты знаешь, где травы. Сделай отвар. Приступ начался?

– Не было приступа, батюшка! Стонет, за живот держится и белая как смерть! И пена... пена изо рта, ровно у собаки бешеной!

Брегота, все еще нацеливающий на меня вилы, растерянно замер. Нехитрое оружие наклонилось к земле, пачкаясь в глине. Голова враз осунулся и постарел, но погладил женщину по плечу и кивнул, ободряя:

– Не плачь. Я сейчас приду. Скорее, отвар, ну же!

– Ох, горе-то какое, горюшко настигло, откуда не ждали... – причитая, женщина побежала обратно, разбрызгивая воду.

По мне она мазнула рассеянным взглядом, точно и вовсе не увидела. Только сейчас я заметила, что на ней было платье густого красного оттенка, словно его кровью облили.

– Что же это, – голос Бреготы звучал жалко, – Марьяшка-то?

– Эй, ведьма, – вдруг окликнул меня кузнец. – По лицу твоему вижу, сказать что-то хочешь.

– Бур, ну ее, не время сейчас. Пускай идет... – начал было голова, но кузнец только дернул плечом, продолжая внимательно на меня смотреть.

Я с самого начала с интересом прислушивалась к разговору, но если кузнец Бур надеялся меня смутить, то он про считался.

– Я могу попробовать помочь пани Марьяне.

– Сдурела? Артемий, гони ее взащей, лаумову дочь! Пускай едет куда ехала, а у нас тут свои навьи чары творить не смеет! Тьфу! – Брегота чуть-чуть не доплюнул до мысков своих сапог.

Я проводила взглядом полет его плевка и порадовалась, что обошлось словами. Не очень-то хотелось начинать знакомство со щепотки слабительного в медовуху.

– Ты кто такая, девка? – Артемий, не отвечая односельчанину, сверлил меня взглядом.

– Сказала же – травница я. Всю жизнь, сколько себя помню, с травами дружу. Судя по тому, что я только что услышала, если я посмотрю больную, хуже ей не станет.

Бур придвинулся ко мне так быстро и незаметно глазу, что я вздрогнула. Ладно, все же некоторые из кузнецов и правда страшноватые. Особенно такие, кого издали и со спины от медведя не отличишь. И двигаются они при этом с ловкостью матерых вояк...

Кузнец навис надо мной горячей темной горой, обдав запахом раскаленного металла:

– Если навредишь ей, живой не уйдешь. В реке утопим, а после выловим, на кусочки разрежем и в Серую Чашу забросим. Чтобы тамошняя нечисть и духу от тебя не оставила.

Я на миг опешила, а потом нервно рассмеялась:

– Такой страшной смертью мне еще не грозили. Признаю – напугали. Но все же я повторю предложение.

Человек-гора отодвинулся, и я незаметно перевела дух.

– Веди ее, Артемий. Я присмотрю.

Глава 4

Без права выбора

Я крепко намотала на руку поводья Пирожка и пошла следом за Артемием. Бур тут же пристроился за спиной, на расстоянии пары шагов. Мне все чудилось, что от него идет жар, будто от хорошо натопленной печи. Порой даже казалось, что краем глаза я вижу струйки пара, поднимавшиеся от кожи там, куда попадали капли дождя. Я нервно поежилась и постаралась отгородиться от него конем. На мое счастье, бородатый Брегота незаметно исчез, чему я была несказанно рада. Куда хуже было бы, окажись он на месте кузнеца. Мало приятного, когда щекочут вилами зад, даже если тот и онемел от долгой дороги.

Цокот копыт звучал глухо, но четко: улица оказалась замощена длинными досками, и под ногами вместо грязи бушевала лишь вода. Приказом нашего пресветлого князя так сделать должны были везде, вот только чаще всего срубленный лес отправлялся на строительство очередной конюш-

ни или сарая возле дома головы. Здесь же было иначе, и я невольно начала проникаться уважением к Артемию.

Дождь разошелся не на шутку, я зашипела и съежилась, когда мокрые плети хлестнули по лицу. Конца и края потопа видно не было. Я попыталась осмотреться из-под капюшона, но сквозь косые струи разглядеть удалось лишь размытые тени домов с рыжими пятнами окон. Вода стекала по шее, заставляя мысленно проклинать погоду, а той, как водится, было наплевать. Если бы при-реченцы прямо сейчас передумали и попытались выставить меня вон, я б вцепилась в ближайший забор и изо всех сил постаралась никуда не уйти. Но голова по-прежнему топал впереди, все ускоряя шаг, так что под конец мы почти бежали. Он не оборачивался. Мне же не нужно было видеть его лицо, чтобы прочесть на нем страх не успеть.

Артемию остановился у искомой калитки – та была распахнута настежь. Отрывисто кивнув мне, мужчина быстро пошел в дом. Я бросила поводья опешившему Буру и поспешила следом. Времени привязывать коня не было. По обрывкам разговоров, которыми обменивались приреченцы, я примерно догадалась, что мучает неизвестную мне Марьяну. Времени и правда было в обрез.

Мать не зря тратила часы, заставляя меня учить, какая болезнь как себя являет. Я артачилась и капризничала, но мама властной рукой возвращала меня на место и снова рассказывала, а потом и расспрашивала, как по укусу отличить, волк

рванул или вололак, как быстро разгорается лихорадка, если царапнула кикимора, и как заставить биться сердце человека, повстречавшегося с болотным огоньком. Постепенно я втянулась и с жаром взялась за изучение навых тварей и способов спасти человека, если он напоролся на их когти. Вот и сейчас нужные сведения будто встали перед глазами, выведенные четким почерком на светлой бересте.

Мама не признавала новомодную бумагу, которую я так любила. Цокала языком и приподнимала двумя пальцами листок, рассуждая, что этакая диковинка не переживет осенних ливней. Меня же слишком чаровал тонкий аромат дорогих жемчужных листов и ровные строчки, не норорящие расплыться, превращаясь в неопрятные кляксы, как это бывало с пергаментом или берестой. Позволить себе белые листы мы не могли, и я обходилась плохонькими серыми, но и им радовалась как дитя.

Хоть мама и не любила бумагу, но свою белоголовую дочку она обожала. А еще она была права: дождь бумага и правда переносила плохо. Поэтому на совершеннолетие мне достался лучший в мире подарок – прекрасный кожаный тубус, в котором моим драгоценным записям ничего не угрожало. В нем, бережно свернутые, лежали листы цвета первого снега.

Я потеряла грудь, которую, как всегда при мыслях о маме, сдавило болью. В сенях было темно, но из горницы лились теплые желтые лучи. Артемий быстро стянул сапоги и чуть

ли не бегом побежал в комнату. Я прошла следом и встала на пороге. В избе было жарко, и я едва удержалась, чтобы не застонать блаженно, чувствуя, как тепло обнимает мое продрогшее тело мягкими ладонями.

Полный страдания вскрик не дал мне толком порадоваться.

Донесся он из-за зеленой занавески в дальнем углу комнаты. Ткань дрогнула, и показалась та самая женщина, которая прибежала за Артемием. Она нервно кусала губы, брови заломились, между ними пролегла глубокая морщинка. Женщина мяла в руках что-то напоминающее кусок ткани. Я почувствовала запах чистотела и сушеного тысячелистника, добавивший уверенности, что мои догадки верны. Эти травы использовали, чтобы очиститься от паразитов. Вот только терзающая Марьяну тварь размером будет побольше каких-нибудь глистов.

Увидев Артемия, женщина – впрочем, скорее девушка – всплеснула руками и дрожащим голосом запричитала:

– Весь отвар сплюнула. Трясется, точно в лихорадке, но холодная, как лягушка. И крутит ее, два раза вырвало.

Артемий хмуро кивнул и отодвинулся в сторону, давая мне дорогу. Помолчал, глядя на меня, потом тяжело вздохнул и кивнул:

– Иди, травница. Хуже и впрямь уже не будет.

– Батюшка? – девица в красном платье недоуменно переводила глаза с Артемия на меня.

Я сняла тяжелый мокрый плащ и бросила его на пол, оставшись только в рубашке и штанах – не тех, в которых сбегала из Полесья, но таких же удобных. Впрочем, присутствующим не было дела до того, как я выгляжу. Кроме одной маленькой детали. У девицы затряслись губы, когда она увидела цвет моих волос. Она подняла дрожащий палец, направив его на меня, и тонко выкрикнула:

– Не позволю! Не пущу к сестрице! Нечисть поганая!

– Уймись, Аника! Она помочь пришла, – рявкнул Артемий.

Я закатила глаза к потолку. Надо же было нарваться на третью деревню, где меня с порога готовы разорвать на клочки – вон как глазищи горят и руки в кулаки сжались. Впрочем... Может, если я сделаю работу хорошо, хотя бы накосят вначале? Да и вряд ли Игнотий отправил меня сюда на смерть. Для этого ему достаточно было лишь ненадолго задержать непутевую рагану в собственной лавке.

Артемий заговорил холодным резким голосом, но слушать его увещевания я уже не стала. Шагнула к голосящей девке, легонько ткнула ее двумя пальцами в горло и отпихнула в сторону. Пока она разевала рот, пытаясь выдавить хоть звук, а голова с вытянувшимся от удивления лицом перехватывал ее руки, которыми она явно тянулась к моей несчастной косе, я обогнула их обоих и скользнула за занавеску.

Девка, с хрипом пытавшаяся сделать очередной вдох, цветом лица мало отличалась от простыней, на которых ле-

жала. Ее тонкие пальцы царапали вздувшийся живот. Грудь впала, и в вырезе добротной льняной рубахи виднелись острые ключицы. Под тканью выпирали ребра. Значит, прошло около двух седмиц. Эх, везет мне на тяжелые хвори в последнее время. То блазень, а теперь вот моровой червь...

Я невольно залюбовалась волосами несчастной, не забывая, впрочем, быстро скручивать их в узел, чтобы не мешались. Мягкие, иссиня-черные, на ощупь как драгоценный соболий мех – хотелось прикоснуться к ним снова и снова. Мои собственные волосы, хоть и длинные и густые, были жесткие и тяжелые. Мама иногда говорила, что это и не волосы вовсе, а нити серебра. Потом улыбалась и гладила меня по голове, перебирая чуткими пальцами пряди...

Я встряхнулась, пряча непрошенные воспоминания в закрома памяти и возвращаясь к умирающей на моих руках девушке. Собрав волосы, беспардонно задрала ее рубашку и начала щупать живот. Она слабо застонала и забилась, пытаясь уклониться от моих рук. Из-за занавески послышался возмущенный крик второй дочери Артемия, его резкий ответ и шум борьбы, но я не отвлекалась. Сняла с плеча неизменную сумку, быстро разложила на стуле инструменты, вытащила нужные мешочки с травами и крикнула родным Марьяны, чтобы принесли горячей воды, свечи и чистые тряпки. К счастью, возня прекратилась, где-то хлопнула дверь, и вскоре за занавеской появился Артемий с двумя кадками исходящей паром воды. Потом он исчез снова и вернулся с

охапкой ветоши и связкой хороших белых свечей. Пока его не было, я смазала мятной мазью руки и принялась мять и давить вздутый живот девушки. Она уже не пыталась отползти, впрочем, по вполне понятной причине – потеряла сознание.

– Потерпи, малышка, – вырвалось у меня.

Хотя девушка была ненамного моложе меня, но выглядела такой хрупкой, что и правда больше напоминала ребенка. Артемий шумно сглотнул слюну. Его лицо закаменело, спрятав всю муку отца, на глазах которого умирает дитя. Интересно, куда подевалась мать девушек?

Хотя какая мне разница.

Я подняла на Артемия тяжелый темный взгляд и кивнула на выход. Его боль мешала, отравляла мою сосредоточенность. К счастью, голова спорить не стал: отошел в дальний угол комнаты, опустился на стул и сгорбился, закрыв лицо руками. Пусть его. Если что, из сидячего положения падать не так высоко.

Марьяна вдруг тонко закричала и выгнулась дугой на простынях, а мои руки вспыхнули огнем жгучей боли, когда я нащупала то, что искала, – место, где червь присосался к кровотоку. Я выпрямилась и вытерла руки принесенной Артемием тряпкой. Потом взяла свечу и маленькую миску. Расплавила край свечи над огоньком и накапала воска в посудину, туда же вмешала травы и плеснула горячей воды. Затем намазала твердый живот смесью масел, обмотала бинтом и

вылила на самое болезненное место все снадобье из миски.

А потом начала разминать руки и ноги девушки, добиваясь, чтобы кровь забегала по телу, разогревая его и открывая каждую пору для моей силы, уже бьющейся под кожей искристым потоком.

Не знаю, сколько прошло времени. Мое платье давно высохло, а желудок уже и не пытался напомнить нерадивой хозяйке, что ему вообще-то нужно есть. Волосы тоже просохли и распушились, как одуванчик. Руки снова ничего не чувствовали, но на сей раз от усталости. Вдобавок глаза начали болеть так, будто в них сыпанули песка. Я с трудом разогнула спину, поморщившись, когда позвонки с щелчками встали на место, поднялась с кровати и отодвинула занавеску. Артемий тяжело поднялся, цепляясь взглядом за мое лицо, но я опередила его вопрос и махнула рукой в сторону кровати:

– Кадку вынесите и содержимое сожгите. Девушка должна много пить, взвары с медом и брусникой будут лучше всего. Сегодня пускай отоспится, а с завтрашнего дня заставляйте ее вставать и ходить, чтобы не было внутренних рубцов.

– Внутренних... рубцов?

Я уже направлялась к двери, больше всего желая освежить лицо и прогнать черных мушек, мельтешивших перед глазами, так что отвечать не стала. Артемий заглянул за занавеску и отшатнулся с круглыми от ужаса глазами. Я обернулась и прищурилась, держась за косяк. Голова тяжело сглотнул, но ничего говорить не стал. Вдохнул поглубже и вернулся к

Марьяне, чем-то загремел, а потом вышел ко мне, держа на вытянутой руке кадку с кусками грязно-розовой плоти.

– Сжечь! – погрозила я ему пальцем, потом дернула дверь и, преодолев сени, показавшиеся бесконечными, почти что выпала под дождь.

Бур и Брегота вскочили при виде меня. Они сидели на крыльце, нахохлившиеся и несчастные, не решаясь переступить порог дома, под крышу которого заглянула Смерть. Уж не знаю, кем им приходилась эта Марьяна, но горе ощутимо витало в воздухе. Ступенькой ниже сломанной куклой сидела та женщина в красном, Аника, что звала Артемия батюшкой. Увидев меня, она стиснула губы так сильно, что побелели скулы. Сумасшедший ливень все же угомонился, сменившись нудной мелкой моросью. На улице посветлело, и я рассмотрела, что она, скорее всего, старшая у Артемия. Они с Марьяной были похожи, но у Аники волосы оказались русые и слегка кудрявые.

С наслаждением вдохнув холодный сырой воздух, я закрыла глаза и прислонилась к теплым бревнам. Украдкой погладила шершавую поверхность, наслаждаясь покоем и уверенностью, шедшими от избы. Видно, всё же хорошие люди тут живут.

– Ну, девка, не томи! – раздраженно рявкнул Брегота.

– Что молчишь? – оскалилась Аника. – Или не можешь в злодействе сознаться? Небось сгубила сестрицу, а теперь стоишь тут, лыбишься! Бур, Брегота, вы чего смотрите?! Вя-

жите ее! – она тоже встала и шагнула ко мне, стискивая кулаки.

Я улыбнулась нарочито широко и скрестила руки под грудью. Но прежде чем меня начали рвать на лоскутки, распахнулась дверь, и на крыльцо вышел Артемий. Он был бледен, но двигался решительно, твердо стоял на ногах и парой резких указаний направил Бура разводить огонь в кузнице, а Бреготу послал за углем для растопки. Кадка, которую он нес, была накрыта холстиной.

– Отец, что с Марьяной? – взвизгнула девица. Артемий перевел на нее уставший взгляд, потом молча обнял и на мгновение прижался лбом к ее лбу. Когда он поднял голову, его лицо осветилось усталой, но счастливой улыбкой, разом сделавшей его на несколько весен моложе.

– Жива наша Марьюшка. Спит. Все будет хорошо, Аника. Все хорошо.

– Как... жива? Так ты ее спасла? Сумела? Ты, ведьма? – Аника неверяще смотрела на меня поверх головы отца.

Я только пожала плечами, не торопясь отлипнуть от теплой стеночки. Наверно, дочка Артемия решила, что я зазналась, потому и не снисхожу до разговора, но на самом деле я просто слишком устала, чтобы даже ворочать языком. Ответа от меня она дожидаться не стала и бросилась в дом – видно, удостовериться, что я не навела морок на доверчивого голову. Артемий начал спускаться, и тут порыв ветра отогнул холстину. Брегота заглянул в кадку, и его пробрала икота.

Бур оказался покрепче, даже не побледнел, но внимательно посмотрел на меня. Я порадовалась, что Аника ушла.

Впрочем, голова освободил меня от необходимости объясняться, напомнив Бреготе про уголь, и того тут же как ветром сдуло. Одного только вида твари, которая сидела в Марьяне, оказалось достаточно, чтобы пробудить в нем похвальное рвение. Но вот кузнец уходит явно не собиравшись.

– Это ведь моровой червь.

Я кивнула.

– От которого нет спасения, потому что его вывели лаумы.

Я промычала нечто неопределенное.

Артемий уходит не торопился, внимательно слушая кузнеца. А я... была готова к чему угодно, только не к следующим словам простого кузнеца из маленькой, никому не известной деревни:

– Так, значит, ты не ведьма. И не травница. Ты рагана. Самая настоящая рагана, которую занесли к нам лихие ветры.

Я все же выпрямилась, глядя кузнецу в глаза.

– И что вы теперь будете делать?

Бур и Артемий переглянулись. Потом оба уставились на меня, и я слегка присела под перекрестием внимательных взглядов. Но, похоже, сегодня судьба решила до доньшка вычерпать запас моего удивления, потому что голова улыбнулся и сказал:

– От души тебя поблагодарим.

Быть раганой – значит не забывать оглядываться, даже ес-

ли на десятки верст вокруг нет ни одной живой души. Быть раганой – значит клясть свою судьбу и благодарить ее в тот же миг. Быть раганой – значит никогда не стать свободной. И никогда не узнать, кто ты на самом деле.

Порой мне хотелось, чтобы хоть раз людская молва не со-
врала и все те силы, что она приписывала подобным мне, имелись на самом деле. Тогда я бы забралась в самую глубокую чашу и поселилась там, используя свой то ли дар, то ли проклятие, чтобы никто из людей никогда до меня не добрался.

Жизнь ведьмы невесела, но жизнь раганы – какое-то наказание, других слов не подберу. Знахарь может выбрать, кого лечить. Может отказаться, может схалтурить, взять плату или не взять, может и вовсе отвернуться и уйти. Или умереть над очередным пациентом от изнеможения. Можно ни разу не воспользоваться возможностью выбора, но стоит ее лишиться, и ты понимаешь, как много она для тебя значила.

Рагана не выбирает, лечить или не лечить. Исцеляет в полную силу, даже если падает от усталости. Пока не исчезнет хворь, рагана не перестанет выцарапывать недужного из когтей Смерти, чем бы для нее ни обернулось такое упорство. И тем страшнее наше наследие, что только раганы могут лечить увечья, оставленные выходцами из Нави – лешими, упырями, кикиморами, нетопырями и им подобными. Проклятое наследие лаум.

Будто мало было бед, так еще и дейвасы объявили раган

выродками и принялись вылавливать и уничтожать тех, в ком обнаруживался хоть намек на лаумову кровь. Хватали прямо на улицах, увозили в свою Школу, и живыми тех раган более никто не видел. Неудивительно, что к моему рождению по земле Беловодья ходили всего три раганы. Одной из них была моя мать. Она-то и передала мне знания и рецепты снадобий.

Артемий, строго-настрого приказав дожидаться его возвращения, вместе с Буром отправился в кузницу. Я же, вяло кивнув в ответ, снова прижалась спиной к теплой стене избы. Даже пожелай я уйти, сил бы мне не хватило. Глаза слипались, ноги не держали, но моя судьба по-прежнему не блистала ясностью, и я чуть ли не руками держала веки, лишь бы не заснуть прямо на крыльце дома головы. Пощипав себя за щеки, попрыгав и спев пару скабрезных песенок, убедилась, что дело совсем плохо. Вдруг из-за левого угла дома раздалось знакомое ржание, и я с легким чувством стыда вспомнила, что ни разу не поинтересовалась судьбой Пирожка.

Ежась и отчаянно зевая, я побрела к конюшне, вполне теплой и такой же добротной, как и жилище Артемия. Расседланный и довольный Пирожок радостно заржал, увидев меня. Я погладила мягкий конский круп и обняла зверя за крепкую шею. Сладковато пахло сеном. В воздухе висела мелкая пыль от хорошо просушенной травы. По крыше мирно барабанил снова разошедшийся дождь. Пирожок переступил с ноги на ногу, но голову не поднял, терпеливо ожида-

ясь, пока я сама отодвинусь.

– Ненавижу быть раганой, – пожаловалась я ему и вздохнула. – Но если б я ею не была, та девчонка, Марьяна, уже час как померла бы. Будь у меня выбор, стала бы я ее лечить?

Пирожок ехидно оскалил зубы и фыркнул мне в лицо. Я рассмеялась и почесала его за ухом, как большого ленивого кота.

– Когда ты умудрился так хорошо меня узнать?

Рука скользнула по толстому уродливому шраму на шее коня, и под ложечкой тоскливо заныло. Может, сказала усталость. Перед глазами все плыло. Теплый бок подогнувшего ноги коня грел лучше печки, а уютная куча сена приняла меня в объятия мягче любой перины. Я горячо надеялась, что измотана достаточно, чтобы не видеть снов, но сохранять разум ясным уже не могла.

Кажется, уснула я еще до того, как коснулась охапки сухой травы.

Глава 5

Пирожки с сюрпризом

Туман вокруг меня. Он вкрадчиво ползет по ногам, обнимает руки белыми браслетами... Я пытаюсь стряхнуть его, срываю с себя мутные клочки, кружусь, топчу белесую хмарь и кричу, кричу что есть сил:

– Убирайся прочь! Не прикасайся ко мне!

Туман откатывается назад. Начинает набухать. Поднимается все выше, будто в кружку наливают молоко и оно медленно заполняет ее до краев. Вот только внутри кружки стою я – и не помню, как сюда попала.

Я бросаюсь в одну сторону, затем в другую, но все тщетно: мои руки проваливаются в дымку, и я перестаю их чувствовать. Животный страх выедает нутро, и я снова отступаю, пячусь на клочок не тронутой туманом земли. Она серая, будто выжженная, и прохладная на ощупь. Я узнала об этом, когда в одном из снов попробовала швырять в наползающую хмарь горстями этой странной земли.

Сил бороться почему-то нет. Я скорчиваюсь, закрываю голову руками и зажмуриваю глаза.

За мгновение до того, как плотная пелена срывается с места и вливается в меня через рот, глаза, кожу, мне чудится, что туман чуть поредел и сквозь него виднеются деревья.

В следующий миг я исчезаю.

* * *

Меня разбудили злобное ржание Пирожка и грохот, сотрясший, кажется, весь мир. Я подскочила с кучи сена, озираясь выпученными глазами в попытке понять, что случилось. Мир, еще подернутый дымкой сна, казался слишком ненадежным, когда обычно невозмутимый конь вдруг принялся вставать на дыбы и бить крупными копытами в стену загона.

– Эй-эй, друг, ты чего? – я нашарила шершавые бревна за спиной и начала подниматься.

Скаун в очередной раз лягнул загон, выбив потоки древесной пыли. Оказаться запертой в тесной клетушке с беснующимся животным было как-то тревожно.

Вдруг над дверцей протянулась рука и схватила Пирожка за гриву. Конь дернулся и попытался заплясать, но незнакомец держал крепко, неразборчиво бормоча что-то успокаивающее. Я заморгала, прогоняя остатки очередного кошма-

ра, и разлилась. Тяжелый мутный сон, гудящее от усталости тело, подвывающий от голода живот и неприятное пробуждение легко превратили меня в настоящую ведьму.

Оскальзываясь на сене и опираясь боком о разгоряченно-го, зло дышащего Пирожка, я пробралась к двери. Привсталала на цыпочки, выглядывая наружу. И нос к носу столкнулась с удивленным взглядом карих глаз. М-м-м, красивые глазки. Лисий разрез... А ресницы, светлая Сауле, я тоже такие хочу! И почему этакая краса чаще всего достается мужчинам?

Лис невольно отшатнулся, когда разглядел мою заспанную рожу в окружении всклокоченных белых волос. Я же оскалилась, всерьез раздумывая, не шепнуть ли простенький заговор, заставляющий видеть то, чего нет. Потом решила, что запах подмоченных порток приятности утру не добавит, и зашипела:

– Чего тебе, смертный? Пришел добровольно кровушки отдать? Как раз к завтраку поспел, похвально.

Благодаря шутке богов мои верхние клыки были чуть длиннее остальных зубов. Вместе с клубком волос, в которых застряло сено, помятым лицом и злобно горящими зелеными глазами видок должен был получиться еще тот. Но парень не отшатнулся, не осенил меня знаком защиты от темных сил, не убежал с криком «Нечисть!» и даже не наставил оружие промеж глаз. Только хмыкнул, окатил с головы до ног насмешливым взглядом, потрепал Пирожка по храпу (тот щелкнул зубами, и нахал едва успел отдернуть руку) и

бросил:

– Бур просил узнать, проснулась ли ты. И если да, то привести к нему в дом, накормить и позаботиться о коне. Вижу, ты уже бодр. Крови у нас нет, значит, накормить я тебя никак не смогу, это наставление пропускаем. Ну и раз ты навья, дом найдешь по запаху. А вот за конем присмотрю. Непохоже, чтобы он угощался тем же, чем и его страховидная хозяйка.

Пока я, открыв рот, переваривала небрежные оскорбления, парень повернулся ко мне спиной и вышел, насвистывая какую-то глупую песенку. Я вздернула бровь, изучая точеные мышцы засунутых в карманы рук и упругий зад. Невесты наверняка забор ломают, пытаюсь заполучить эту местную диковину в законные мужья. Или хотя бы в постель.

– Нет, ты слышал? – возмутилась я, уперев руки в бока. – И кто это такой наглый выискался на мою голову? И как бы нам его проучить?

Конь замотал гривой и заржал, оскалив крупные зубы. Я дернула его за жесткую шерсть и начала выбираться из стойла.

– Понятное дело, услышал про еду и сразу размяк. Эх ты, предатель. Ладно уж, пойду посмотрю, что там стряслось, пока я спала. Раз нас не спалили во сне и даже обещают накормить, значит, все не так плохо.

Протирая глаза и охая, я вышла из конюшни. Зубы тут же заплясали, выбивая дробь. Стылая морось по-прежнему

сыпала с неба, и лицо быстро покрылось мелкими каплями.

Дома стояли, нахохлившись и грустно повесив резные козырьки. Но внутри кипела жизнь, вырываясь из окон ярким теплым светом. То и дело стучали двери, дети бегали из дома в дом, собирались стайками, смеялись и шептались. Иногда они делали страшные глаза, скрючивали пальцы и принимались играть в догонялки, разбрызгивая дождевую воду и грязь на всех, кому не повезло оказаться рядом. Не обходилось без затрещин от женщин, что сновали туда-сюда с корзинами, полными вкусно пахнущей снеди. Мужики от детей отличались только тем, что ходили степенно, важно, несли на плечах связки дров или инструмент, а порой и сгибались под тяжестью огромных бутылей с плещущейся внутри самогонкой.

Я подавила желание спрятаться обратно в конюшню. Рядом с выходом на гвоздике висел мой плащ, к счастью, сухой, и я завернулась в него, натянув капюшон пониже.

Все выглядели взбудораженными, как будто у них праздник или в деревню решил приехать местный управитель с мешком чешуек – самых мелких монеток, железных и неровных, но ярко блестящих, – на милостыню. Я покопалась в памяти, но ничего припомнить не смогла. Может, и правда кто-то важный пожалует?

Стягивая края плаща у горла, я наклонила голову и постаралась тихонько прокрасться мимо людей. Конечно, в маленькой деревне скрыть появление нового человека невоз-

можно, но я пыталась хотя бы оттянуть момент, когда они меня рассмотрят. К тому же за суетой приготовлений не заметить мелькнувшую невнятную фигуру так легко...

Кузница нашлась быстро по запаху дыма и раскаленного железа. Хоть утро было раннее, огонь в большой печи уже горел и раздавались удары молота по наковальне. Я потянула на себя тяжелую дверь и поморгала, давая глазам привыкнуть к черно-красному сумраку внутри. Бур поднял голову от заготовки и прищурился, рассматривая меня.

– Вижу, сын тебя разбудил. Накормил?

– Это был твой сын? – от удивления я перешла на «ты», беззастенчиво рассматривая могучую фигуру кузнеца и сравнивая с гибким телосложением наглого лиса. Сходства – ни на краешек ногтя.

– Приемный. Кровных боги не послали, но я не ропщу. Совий мне родной, я о нем иначе не мыслил никогда.

– Он, как я понимаю, об этом знает?

Мужчина кивнул.

Я вошла в кузницу подошла к Буру и с интересом вытянула шею, рассматривая заготовку.

– Ух ты, – вырвалось у меня.

Снова неожиданность: я ожидала увидеть лезвие косы или часть плуга, но на наковальне лежало тонкое изящное лезвие кинжала. Я с восхищением присвистнула, разглядывая острые грани. Прикинув вес и длину, поняла, что он идеально подошел бы мне в запястные ножны. Но увы. Даже моих ма-

лых знаний в кузнечном ремесле хватило, чтобы понять: зарабатывать на этот нож я буду до старости. Бур оказался Мастером. Вкупе с его знаниями о раганах этот факт заставлял призадуматься, с кем водил дружбу старый пройдоха Игнотий.

– Нравится? – с плохо скрываемой гордостью спросил человек-гора.

– Красавец, – честно ответила я. – За такие клинки на ярмарке дают хорошую цену.

– Он не для продажи, – Бур потер могучую шею рукой и покрутил головой, разминая мышцы. – Иди в дом. Поговорим.

– И поедем? – с надеждой осведомилась я.

– А что, Совий... – начал было Бур, но махнул рукой и только кивнул. – Понятно. И поедем обязательно.

Я кивнула в ответ и пошла к выходу. Спрашивать о том, будет ли Бур ставить клеймо в виде хищной птицы, не стала. Потому что и без этого знала: кинжал и инструменты, подаренные мне Игнотием, сотворены одним человеком.

* * *

– Это что, прекрасный сон? – благоговейно прошептала я, рассматривая накрытый стол.

– Нет, попытка тебя накормить про запас, чтобы ты не слопала кого-нибудь из деревенских, – отозвался Совий, разли-

вая компот по глиняным кружкам.

Я ощерилась, но вид соленых грибочков и запах свежих пирожков, еще исходящих ароматным паром, золотящихся румяной корочкой и манящих ладными округлыми бочками, меня надежно и надолго отвлек. Помимо двух моих любимых кушаний на столе стояли еще вареная репа в котелке, квашеная капуста и каравай ржаного хлеба. Я едва не захлебнулась слюной от одного только вида еды. Даже язва Лис не смог отбить охоты, хотя я честно подумывала кинуть в него ложкой. Но ложка была не моя, и портить чужую вещь показалось как-то неудобно. Поэтому я погрозила ему на словах и тут же подтянула к себе ближайшую кружку с компотом.

Вошел Бур, закопченный и отдувающийся, потер покрасневшие от работы руки, кивнул нам с Лисом и нырнул за занавеску. Послышался плеск воды, и вскоре хозяин показался уже чистым, одетым в свежую рубаху. Мокрые волосы явно были пятерней заглажены назад. Когда он присоединился к трапезе, я уминала уже третий пирожок, блаженно вздыхая и наконец-то чувствуя вкус.

Совий, попивая компот, рассматривал меня поверх кружки прищуренными глазами. Мне ужасно хотелось показать ему язык, но рот был занят чудной выпечкой, что не мешало, впрочем, отвечать не менее внимательным взглядом. Забавно: Лис смутился и повел плечами, словно ему было неловко. Разве он не привык к таким взглядам? Будь я его односельчанкой, целыми днями бы бегала к дому кузнеца и рас-

певала песни, посвященные золоту волос, ореховой теплоте глаз и точеным скулам парня. Хотя вряд ли такие порывы от девушки кто-нибудь оценил бы по достоинству. А жаль.

Я усмехнулась своим мыслям, едва не расплескав компот. И тут же чуть не подавилась, когда Совий протянул небрежно, в упор глядя на меня:

– Отец, ты не мог найти менее прожорливую побирушку? Этак у нас запасы кончатся раньше, чем придет зима. Через сколько она наконец наестся и уберется куда шла?

Бур хлопнул ладонью по столу так, что посуда подпрыгнула. Я бы подпрыгнула вместе с ней, но... вся легкость и радость от сытого желудка испарилась от злых слов молодого человека, и я медленно отложила надкушенный пирожок, оказавшийся сладким. Значит, здесь я тоже не задержусь. Я опустила глаза, чувствуя, как внутри все сжимается при мысли об ожидающей меня долгой дороге, размытой осенними дождями. Дороге, в конце которой была только неизвестность.

– Эта девушка спасла Марьяну! А ты в который раз судишь по внешнему виду, не удосужившись даже задать вопросы. Хоть бы послушал, о чем на улицах судачат.

Лис побледнел, но все равно возразил отцу:

– Я не слушаю бабские сплетни.

– Тогда послушай, что я тебе скажу! – Бур возвысил голос, и от его рева задрожала уже не только посуда, но и мебель. – Если бы не она, мы бы сейчас готовили тело Марьяны к по-

гребению, а не праздник собирали! Ты ей в ноги кланяться должен, что подружку твою спасла, а не оскорблениями бросаться!

Совий вскочил, покраснев от ярости. Я вжалась в лавку, испуганно глядя на мужчин. Вот только в семейную склоку встрять не хватало.

– Я отродясь никому не кланялся и девке незнакомой тоже не стану! Поблагодарю, а дальше пусть катится куда хочет! – глянув на меня злыми карими глазами, Совий стрелой вылетел из-за стола – только громко хлопнула дверь, ведущая на улицу.

Бур опустился на свое место и тяжело вздохнул. Поднял на меня виноватый ВЗГЛЯД:

– Не серчай, ведьмочка. Характер у него не сахар, но Совий лучше многих знает, что такое благодарность и долг.

– Я не желаю ни того, ни другого, – я растянула губы в намеке на улыбку. – Врагом вашему сыну, да и вообще кому бы то ни было, я становиться не хочу. Благодарю за угощение. Скажите, кому я могу продать коня, да разойдемся в разные стороны. Хочу уйти раньше, чем дожди сменятся заморозками. Идти легче, конечно, но холоднее.

Все же зря я надеялась на слова Игнотия о том, что его друг меня приютит.

– погоди ты, – поморщился кузнец. – Я ведь о том и хотел потолковать. Артемий занят, праздник готовит, отмечать исцеление дочери. А мне поручил с тобой договориться. Я

ведь не ошибся, ты рагана?

Я кивнула.

– Вот и славно, – Бур обрадовался так искренне, что у меня засосало под ложечкой. – У нас знахарка померла недавно, а обучить никого не успела. Мерзкая баба была, хоть и головастая. Все выбирала, кому честь оказать, в итоге так и сгинула без наследника. Так вот, – кузнец крякнул, понимая, что начал говорить лишнее. – Остались мы без лекаря. В город за помощью ехать далеко, а раны от навьих тварей у нас нередки. И тут ты – рагана, молоденькая, но толковая, раз с моровым червем справиться сумела. Деньги тебе нужны, но с конем расставаться не хочешь, сразу видно. Значит, нужда приперла. И есть у нас предложение к тебе, у меня и Артемия. Оставайся с нами до весны. Поселишься в избе знахарки, перезимуешь, жирок подкопишь. А то смотреть страшно, кожа да кости. По весне решишь, надо ли тебе дальше двигать или у нас осядешь. Мы не обидим, поверь.

Я протянула руку и взяла недоеденный пирожок. Весело щелкали на зубах малиновые зернышки, отголоски летней сладости таяли, лаская нежным вкусом. По правде говоря, насчет кожи и костей Бур не сильно преувеличил, но тому виной неприятности последних седмиц. Обычно я несколько более... мясista.

Слова кузнеца звучали как сказка. Провести зиму в тепле – не об этом ли я мечтала? А того, кто приготовил эти чудные пирожки, и вовсе хотелось расцеловать и напроситься в

помощники, конечно, если то окажется не Совий. Но вряд ли моя жизнь в этой деревеньке будет легкой. Аника в красном платье смотрела на меня слишком недобро, даже узнав, что я спасла ее сестру. Эхо злых воплей Совия еще звенело в ушах. Зато не понадобится продавать Пирожка. И у меня будет свое гнездо.

Хотя бы на несколько месяцев.

Я тщательно прожевала малиновый пирожок и сплела пальцы на кружке.

– Бур – сокращение от Буревестника?

Кузнец напрягся всем телом, услышав короткое слово. Его взгляд потемнел, под кожей заходили желваки. Кажется, он едва удерживался, чтобы не сплюнуть.

– С чего ты взяла?

Я усмехнулась. Есть такие люди, которые, как бы ни старались, не сумеют солгать. Их выдадут собственные руки. Лицо. Морщины у глаз. Чуть отведенный взгляд. Это хорошие люди, но в жизни им приходится нелегко. Ведь правду любят очень немногие.

Вот я любила. Хотя сама была из другого теста.

– Я пришла из Полесья. Принесла тебе привет от знахаря Игнотия. Он рассказал, где вас искать, и подарил это, – я выложила на стол сверток с лекарскими инструментами и пододвинула его к кузнецу. Поначалу Бур смотрел на выделанную кожу так, словно хотел испепелить ее взглядом. Потом все же протянул руку и откинул край свертка. Скальпели и

зажимы тускло блеснули в лучах дневного света.

– С ним все в порядке? – глухо спросил он.

Я кивнула и отпила немного компота.

– Когда я... уходила, был жив и здоров.

Бур завернул инструменты и толкнул их обратно ко мне.

– Мы с ним всегда были дружны. За то и пострадали. Но я рад, что старый пройдоха не забыл обо мне. А еще рад, что чутье меня не подвело. Так что, остаешься?

Кроме того, что меня прислал Игнотий, была еще одна вещь, о которой следовало бы рассказать. Но, подумав, я все же решила, что первым о ней должен узнать Артемий, ведь дело касалось его дочери. До сих пор все увиденное и услышанное мной заставляло думать о нем как о достойном человеке, и причин ему не доверять у меня не было.

Остался только один, но самый важный вопрос.

– Ты сказал, что навьи твари у вас частые гости. С чего бы вдруг?

Бур вздохнул и привычным жестом потер шею. Видно было, что рассказывать ему не очень-то хотелось, но я ждала, крутя в пальцах нагревшуюся от ладоней кружку. Кузнец вздохнул еще раз и окинул меня мрачным взглядом из-под лохматых бровей:

– Если наелась, пойдем, покажу.

Глава 6

Тьма внутри и снаружи

Бур шел через деревню так, будто он был кораблем, а люди вокруг – обломками весенних льдин, спешно уплывающими в стороны. Дорогу нам освобождали быстро. Кузнецу уважительно кивали и крепко жали руку, на меня же смотрели с неммым вопросом в глазах. Так и читалось во взглядах: это она? Та самая травница? А что ж такая молодая и тощая? И правда ли она спасла Марьяну или просто повезло?

Я только опускала очи долу и держалась ближе к Бур-ру, вежливо отвечая на редкие приветствия. Если я здесь все же задержусь, успеем познакомиться. Кузнец поглядывал одобритительно, не торопясь удовлетворить любопытство односельчан.

Только однажды спину продрало холодом, и я быстро огляделась по сторонам в поисках того, кто пожелал мне зла. В конце улицы стоял высокий, худой как палка мужчина и смотрел нам вслед. Он не пытался догнать нас, не произнес

ни слова, но я почувствовала исходящие от него волны ненависти и содрогнулась.

– Бур, – тихонько окликнула я кузнеца. – Кто это?

– А? – он обернулся и мазнул взглядом по мужчине. – Это Василий, печник наш. Мужик хороший, но раган не любит. Знаешь что, – Бур остановился и крепко взял меня за плечо, будто я пыталась сбежать. – Не говори никому, что ты рагана. Сама понимаешь, правда у каждого своя. Некоторые верят, что вы – порождение Нави. Мы с Артемием сумеем тебя защитить, но чем меньше людей узнает, что ты не просто знахарка, тем легче будет нам всем.

Я закусила губу и дернула плечом, сбрасывая руку кузнеца. На душе стало горько. Хотя странно было бы ожидать чего-то иного. Мне позволили остаться – и на том благодарствую. Всеобщей любви я и так не искала.

– Чесать языком почем зря – не то, чем мне нравится заниматься.

Бур кивнул, показывая, что услышал мои слова, и мы двинулись дальше.

Вчера я не смогла толком рассмотреть ворота из-за хлещущего дождя, зато сегодня они предстали передо мной во всей красе. Железные, сверху донизу исписанные рунами и закрытые тяжелым засовом, они выглядели так, будто их сюда перенесли из какой-то крепости. Бур перебросился парой слов с мужичком, удобно расположившимся в траве возле забора, и тот кивнул. На меня он даже не смотрел: то ли был

нелюбопытен, то ли и без вопросов знал достаточно. Бур покраснел от натуги, сдвигая засов. Я стояла за его спиной, внимательно рассматривая руны и повторяя их шепотом в попытке понять, что они значат. Приглядевшись, я увидела, что и забор изнутри тоже расписан рунами. Дерево потемнело, чернила выцвели, и знаки были почти незаметны.

Створки разошлись бесшумно. Бур развел их ровно настолько, чтобы мы могли пройти. За нашими спинами лязгнуло, когда ворота встали на место. Бур посмотрел на меня: – Готова?

Что я должна была отвечать? Конечно, не готова, я же не знала, что он хочет показать. Но мысль о своем домике и зимовке в тепле грела душу, и я мрачно кивнула.

Мы обогнули Приречье, держась высокого тына. Бур шел впереди, а я прислушивалась и принимаюлась. В сырой плотный воздух вплелась новая нотка. Пахло мокрой галькой, шершавыми черными ракушками, тиной и рыбьей чешуей.

Пахло рекой. И спустя несколько минут я убедилась, что чутье меня не подвело.

Оказалось, что Приречье не зря называлось именно так. Деревня, куда занесли меня нелегкая и совет Игнотия, располагалась на вершине холма. Узкая тропинка вилась светлой лентой в жухлой траве и ныряла в густой лес, теряясь среди темнеющих мокрой корой стволов. Потом дорожка выныривала на соседней вершине и снова исчезала. Вся

местность была похожа на грибную поляну, только вместо шляпок землю взрывали крутобокие холмы. Издалека они казались пушистыми – настолько густо их покрывали деревья. Птицы, конечно, давно уже улетели на зимовку в Правь, под руку к Светозарной, но ощущение, что лес живой и добрый, словно сонный великан, согревало сердце. С таким соседом бок о бок жить я буду только рада. Но ведь не из-за него тут поставили зачарованный заслон?

Далеко внизу плавно несла темные непрозрачные воды красавица-река. Ее-то я и почуяла. Не удержавшись, поклонилась и прошептала приветствие. Река была широкая, но возле места, где от нее взбегала тропинка к деревне, сужалась и начинала пениться и бурлить. Словно злилась на стянувший ее пояс глинистых берегов. Ни от леса по эту сторону, ни от реки я не чувствовала зла. Но до последнего избегала смотреть на другой берег, хоть и понимала, что спрятаться не удастся. Именно чтобы показать тот, иной лес, Бур и вывел меня через железные ворота. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он причина тому, что деревенским понадобилась рагана.

Деревья того леса стояли ровной угрюмой стеной, словно серые стражи. Они выглядели гораздо старше, чем веселая поросль с нашей стороны. Толстые узловатые стволы, покрытые наростами трутовиков, росли так близко, что протиснуться между ними смог бы разве что заяц. Хотя сильный восточный ветер трепал нашу с Буром одежду и норовил

сорвать с моей головы капюшон, серый лес не шевелил ни единой веткой. Я поежилась, рассматривая молчаливых гигантов, тянущихся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Втянув носом воздух, я уловила сладковатый запах тлена и сырой земли, который ветер донес с той стороны.

– Что это за место?

Бур глянул на меня удивленно, но все же объяснил:

– Странно, что ты, рагана, не знаешь. Это же та самая Серая Чаща, куда загнали лаум, когда они сошли с ума.

Я опешила.

Всю жизнь мама рассказывала мне, что лаум вырезали под корень. Одна из сестер предала водяниц и позволила дейвасу наложить проклятие на всех лаум, используя ее связь с остальными, словно пуповину. Черное колдовство пощадило лишь тех, кто носил под сердцем дитя. Но даже они пострадали, лишившись большей части своих умений. От выживших лаум родились те, кого называли раганами. Раганы не слышали голос воды, и все, что осталось им в наследство, – способность врачевать раны от навьих тварей. С тех пор настоящих лаум никто не видел.

Я верила маме и считала, что водяные ведьмы погибли. То, о чем сказал Бур, не укладывалось в голове. Кузнец же продолжал говорить:

– Дейвас заманил их туда и запер вместе с собой. Из-за их сражения лес стал меняться, искажаться и чахнуть от заполнившей его скверны. Но ни одна лаума не вышла за его пре-

дела. Огненосец тоже сгинул. Поверья говорят, что водяницы не умерли, но оказались заперты в ловушке. Так и бродят там, в Чаще, приманивая путников и мечтая вырваться на свободу.

– Но если это на самом деле так, почему же князь не построил крепости, не заставил дейвасов оградить эту Чащу кольцом огня? Почему не приказал людям перебраться в другие села и города, подальше от проклятого места?

Бур грустно усмехнулся и привычно уже потер шею.

– Даже ты, рагана, не знаешь, отчего этот лес стал таким. За сотню с лишним весен люди позабыли правду, наплели небылиц и верят в них, потому что так жить удобнее. Взор князя устремлен через Золотое море. Он не отправит своих огненосцев и ратников на борьбу с суевериями и сказками. Его предок установил защиту, но крепости надо обновлять, а магию подпитывать. Ведь время беспощадно, ему все равно, что именно превращать в песок.

– Может ли статься, что водяницы и правда не погибли? – спросила я кузнеца.

Он пожал могучими плечами, смотря туда же, куда и я. Мне почудилась грусть в его голосе, когда он ответил:

– Ни одну лауму с тех пор и правда никто не видел. А вот всякая нечисть лезет, только успевай отмахиваться. Сдается мне, дей-вас повредил что-то в Яви, открыл дорогу навьям. Да только все привыкли уже. Многие и не помнят, что когда-то было иначе. Мой дед не помнил.

– А ты почему вдруг вспомнил?

– Многие знания – многие печали, – Бур ушел от ответа и задал встречный вопрос, повернувшись ко мне всем телом: – Ну что, ведьмочка, останешься?

Так странно и жутко было оказаться рядом с местом, где когда-то заперли праматерей всех раган. Серая Чаша манила меня, и я никак не могла перестать на нее смотреть. Показалось, что чем дальше я вглядываюсь в другой берег, тем сильнее расходятся стволы, словно освобождают мне дорогу. В груди екнуло, и я потерла ребра, успокаивая глупое, но чуткое сердце. От проклятого леса исходило притяжение, и перебить его не могли ни болезненный вид, ни тревожный запах, ни неестественная, почти могильная тишина, ни даже руны, которые я наконец расшифровала. Это были путеводные знаки. Что-то вроде маяка, светящего сквозь все миры и способного притянуть обратно не только живого человека, но и душу его, если он вдруг заплутает в незримом мире. Кого же звал домой неизвестный волхв?

Кузнец не торопил, но молчала я не потому, что не знала, какой дать ответ. Все же пирожки тут слишком хороши, чтобы так быстро с ними расставаться.

– По рукам. Я остаюсь.

Я бросила прощальный взгляд на Серую Чашу, по-прежнему хранящую угрюмое молчание, и пошла обратно в Приречье.

Судя по избушке почившей знахарки, к обществу всяческой нечисти приреченцам и впрямь было не привыкать.

Я недоуменно осмотрела вросшее в землю кособокое недоразумение, особое внимание уделив веселенькой зеленой крыше. Зеленая она была не от краски, а из-за обильно произрастающего мха, который сделал дом похожим на пушистого травяного котенка. Мой взгляд остановился на Артемии с Буром, хмуро застывших рядом. В сравнении с чистенькими, ухоженными, словно пряничными избушками приреченцев обиталище знахарки скорее напоминало логово настоящей ведьмы.

– Не надо на меня так смотреть, – защищаясь, поднял лопатообразные ладони Бур. – Я говорил, что баба была странная. Сколько раз мы ей предлагали новый дом справить, только шипела и плевалась, даже на порог не пускала. Ее с превеликим трудом Василий уговорил печку переложить, а то так и жила бы в дыму и копоти. Но снести эту страхолюдную хибару так и не позволила.

Артемиий согласно кивнул:

– Сколько себя помню, знахарка всегда тут жила. Родители мои ее знавали и родители родителей. Это ж сколько ей весен было, а, Бур?

Кузнец задумался, потом растерянно пожал плечами. Но

мне, по правде, было неинтересно, сколько прожила на свете достопочтенная карга. Я уже протираю рукавом окна, заглядывая внутрь. Как ни странно, несмотря на обветшалый вид, от зеленого домика веяло теплом узнавания и принятия. Будто мы были знакомы давным-давно.

– Ты осмотришь, подумай, что надо будет обновить, а мы уж поможем, – Артемий догнал меня и сунул в руку ключ.

Я кивнула и сжала в пальцах кусочек холодного железа. Но чем дальше, тем сильнее крепла во мне уверенность, что я стану достойной наследницей сумасшедшей знахарки. Менять или трогать что-либо в кособоком домишке мне совершенно не хотелось. Он был цельным и правильным, а облик – лишь красивая картинка, которая не согреет и не укроет от непогоды.

Дверь тихонько скрипнула, впуская меня внутрь. Взвилась пыль, потревоженная осторожными шагами. Я остановилась, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Комнатка была маленькой, но ощущение уюта от этого только усилилось. Под потолком ровными рядами висели связки сушеных трав, пахнувших летом, – полынь и зверобой, ромашка и мята, плакун-трава, марьин корень... В углу прилепилась маленькая печка, сверкающая белизной, – видимо, дело рук того самого Василия. На печи красовался медный чайник, из носика которого торчала затычка в виде совиной головы. В противоположном от печи углу к стене были прибиты полки – я насчитала семь, – разохшиеся и кривоватые,

забитые банками, склянками, мешочками и шкатулочками. Под окнами вытянулся стол, захламленный так, что поверхности не было видно. Я подошла поближе. Сердоликовые руны валялись вперемешку с костями, обрывками трав и какими-то тряпками. В пузатой кружке свил паутину жирный черный паук, которого я без зазрения совести вытряхнула на пол. Кружка была тяжелая. С одной стороны на ней были изображены еловый лес и отличные мухоморы, с другой – ночной мотылек, тщательно выписанный вплоть до мохнатых усиков.

Кружка мне тоже понравилась.

Возле стола нашелся старый, тяжелый даже на вид сундук, окованный листами железа. И замка на нем не наблюдалось. Я с натугой откинула протестующе заскрипевшую крышку и заглянула внутрь. Там лежали книги: десятки томиков в потрепанных обложках, какие-то пожелтевшие свитки, отдельные листы... Я невольно чихнула от облака взлетевшей пыли. Что ж, предстоит много работы. Нужно все перебрать, отмыть и расставить по местам. Главное, не сдаться и довести дело до конца, а то такое обилие сокровищ грозило увлечь куда надежнее тряпки и веника.

Продолжив осмотр, я обнаружила, что в доме есть еще одна комната – пустая, если не считать зеркала в полный рост, что висело на стене. Деревянную раму оплетал живой мох, а в качестве украшения наверху висел чей-то некрупный рогатый череп. Я покрутилась возле зеркала, тихо радуясь такой

роскоши, убедилась, что по-прежнему выгляжу кошмарно, и подумала, что надо будет договориться о новой кровати и о том, что обычно на нее кладут помимо сонного тела.

Пройдя дом насквозь, я нашла еще одну дверь. Она была закрыта на несколько крючков. Распахнув ее, я не сдержала радостного вопля: на задворках нашелся маленький, но ухоженный огород, в котором, пусть и пожухлые к осени, торчали листья лекарственных трав. Если я соберу семена, то по весне смогу их посадить. Не придется бродить по ярмаркам и тратить потом и кровью заработанные серебрушки на закупку, попутно ругаясь с хамоватыми торговцами.

Потирая руки, я вернулась в дом и задумалась, с чего начать уборку. Вдруг входная дверь хлопнула и, не дожидаясь моего разрешения, распахнулась, впуская незнакомого черноволосого парня, по-хозяйски прошагавшего прямо в комнату. Я открыто поморщилась, глядя на мокрые следы, которые он оставлял. Пусть одной уборкой тут не обойтись, но, если этот незваный гость будет добавлять мне работы, мы точно не подружимся.

Чернявый остановился напротив меня, широко расставил ноги и засунул пальцы за богато украшенный пояс. Я посмотрела на него снизу вверх, вздернув бровь и зеркально отразив его жест, только руки уперла в бока.

– Так, значит, ты наша новая знахарка? – начал он с ходу.

– Так, значит, здороваться и имя свое называть тебя не учили? – в тон отозвалась я.

– Много чести с ведьмой здороваться. А имя мое Анжей. Запомни его хорошенько.

– Я пустяками голову не забиваю.

Парень угрожающе шагнул вперед, оказавшись прямо передо мной, но я не отступила ни на полшага. Таким уступать нельзя даже в малом, иначе потом проблем не оберешься.

– Послушай-ка меня, девушка. Сколько бы ни пыжились Бур с Артемием, они лишь глупые старики. И дурость их привела в Приречье тебя. Может, они и не ожидают от такой пигалицы никаких каверз, но я-то знаю, что никакая ты не знахарка, а ведьма и доверять тебе нельзя. Вот только от холодов и ведьмы защиты не имеют, а зима близко. Хочешь выжить – слушай меня. Делай что велю. И будешь всегда в тепле, одета и под моим покровительством. А коли ума не хватит добро принять – вылетишь на тракт, не успев имя свое назвать.

– Ясмена, – я оскалилась.

– Что? – опешил Анжей.

– Меня зовут Ясмена. Видишь, успела и имя назвать, и еще кое-чего сказать. А ты, юноша, не грозись тем, чего воплотить не можешь. В этих стенах твоей власти нет.

Парень нервно оглянулся, едва-едва, но, видать, и того хватило, чтобы вспомнить, в чьем доме он вздумал бахвалиться. Хотела бы я познакомиться с почившей знахаркой. Репутацию она себе явно умела создавать. Но увы – на некоторых ее все же не хватало.

Черноволосый Анжей вдруг схватил меня за ворот рубахи и подтянул к себе. Я вцепилась в его руку, безнадежно ощущая твердые мышцы под пальцами и понимая, что силой мне с ним не равняться, ощерилась и зашипела. Он склонил лицо к моему, так близко, что я почти сумела рассмотреть цвет его глаз, и низко прорычал:

– Не грози мне, ведьма. Если хочешь здесь задержаться, умей выбирать друзей. Иначе твой болтливый язык мигом окажется отрезан. Может статься, вместе с головой...

Кажется, он хотел сказать еще что-то, но не успел. Его глаза округлились, как и рот, сделав весь облик парня похожим на куколку-болванчика, которых вырезают для самых маленьких детишек. Потом до тела дошла боль, и Анжей тонко взвизгнул, хватаясь за то место, где я его касалась. Кожа дымилась и вспухала пузырями на глазах, словно он сунул руку в пламя. Рана имела четкую форму маленькой ладони.

Незванный гость отшатнулся от меня и спиной врезался в дверь. Я дернулась к нему, но он выставил вперед здоровую руку, словно хотел отгородиться, и выскочил во двор. Я встала на крыльце, сжав кулаки и старательно чередуя вдохи и выдохи, чтобы не выпустить на волю испуганный плач девчонки, оказавшейся один на один с тем, кто ее сильнее. Не следует портить победу слезами.

Вот только чует мое сердце, что я развязала войну.

Анжей, поскуливая, вылетел за калитку, едва не снеся ее с петель окончательно. Рядом с ним мелькнула рыжая копна

волос, и уже знакомый мне Лис-Совий проводил чернявого удивленным взглядом. Потом вопросительно посмотрел на меня, вздернув брови.

– В следующий раз не будет руки распускать, – я задрала нос.

Коленки дрожали, истерика подкатывала все ближе, но показывать ее Совию хотелось еще меньше, чем Анжею, поэтому я скрыла чувства за грубостью:

– А ты чего приперся? Тоже решил припугнуть знахарку в надежде на особые услуги? Так у меня еще остался настой, могу и тебе что-нибудь прижечь.

Совий усмехнулся и спокойно подошел ко мне. Протянул сверток, от которого исходил уже знакомый умопомрачительный запах печева, и тюк каких-то тканей.

– Это тебе от Артемия. Просил передать, что кровать завтра справим.

Я осторожно приняла дары. Навья отрыжка, я вообще не понимаю этого парня. Все утро он так и этак намекал, чтоб духу моего в Приречье не было, а сейчас стоит и смотрит спокойно, сам принес вещи, еще и одобрительно глянул после слов о настое.

– Благодарю, – выдавила я, так и не сумев подобрать правильных слов.

– Пожалуйста, – он развернулся и привычной походкой, сунув руки в карманы, ушел.

Я смотрела ему вслед, и в голове впервые за последние

дни не было ни одной толковой мысли.

Глава 7

Ласковый огонь

Не знаю, заметил ли Совий, что после стычки с Анжеем у меня мелко подрагивали руки. Но виду Лис не подал. Впрочем, передавая гостинцы, он очень старался не коснуться меня ненароком, хотя утренней злости я в нем больше не видела.

Глубоко подышав сырым прохладным воздухом, я немного успокоилась. Работы был непочатый край, и я с радостью отправилась на поиски ветоши и какой-нибудь бадьи. Впереди ждала неравная битва с пылью и хламом. В чью пользу она должна была закончиться, предсказать я не бралась.

Как всегда, стоило занять руки делом, и все печали хотя бы на время убралась прочь. Я скоблила, терла, расставляла, попутно поражаясь, сколько же всякого хлама успела натащить знахарка в свое обиталище. Часть я выкидывала без жалости, часть откладывала, чтобы спокойно разобраться позже. Постепенно домик стал обретать обжитой вид, и,

когда за окном окончательно стемнело, я наконец перестала чихать после каждого взмаха тряпки и бегать к миске с чистой водой, чтобы промыть слезящиеся глаза.

Пока я трудилась, холода не ощущала. Но стоило остановиться, как стылость подкралась из дальних углов и вкрадчиво погладила затылок. Я передернула плечами и нехотя повернулась в сторону единственной вещи, которая меня совсем не радовала.

Всего одна – зато какая.

Я встала перед спящим горнилом большой печки и уперла руки в бока.

– Ну что, навье изобретение, будем знакомы.

Огонь не давался мне никогда. Мама быстро перестала поручать мне растопку, каждый раз возвращаясь в остывший дом и находя меня, закутанную во всю теплую одежду, которую я только могла отыскать. Когда в детстве мы с подружкой ловили рыбу, я даже не бралась за огниво: костра можно было не ждать. Подруга ворчала, что быстрее свинью научить плясать, чем меня – такому простому делу. Впрочем, со мной ее улов всегда был гораздо богаче, чем в одиночку, – я точно указывала, где рыбы водилось больше всего – потому нелады с огнем легко мне прощались.

Вот только здесь не было ни мамы, ни подружки, чтобы помочь растопить печь. Между тем дом, в котором некоторое время никто не жил, невзирая на свой добрый нрав, был холодным и сырым.

Я зябко поежилась и растерла плечи руками. Придется как-то справляться. Я протяжно вздохнула, вспомнив, как хорошо и тепло было в избе головы. Мелькнула мысль сбежать позвать его на помощь, но я быстренько прогнала ее как nepoтpeбнyю. Haглеть так скоро – плохая идея. Надо хоть немного обжиться для начала.

Тяжелая заслонка поддавалась с трудом, как будто печка боялась открываться передо мной, и я ее прекрасно понимала. Темное нутро было сухим и чистым: кто-то тщательно выгреб всю золу. Помнится, во время уборки я нашла немного дров. Правда, цвет деревяшек был зеленоватым, да и пахивали они сыростью. Но выбирать все равно не приходилось, поэтому я набрала охапку и вернулась в комнату. Заложив дрова в печь, встала на цыпочки и пошарила на печной полке. Так и есть – огниво нашлось на привычном месте. А теперь самое интересное...

Когда стукнула входная дверь, я прыгала перед печкой, отчаянно дую на обожженные пальцы и ругаясь почему зря. Во время особо неудачного прыжка я задела ногой заслонку, и она рухнула мне прямо на пальцы. Взвыв, я выругалась особенно сочно. За спиной раздалось насмешливое покашливание, и я обернулась так резко, что коса стегнула незваного гостя по лицу.

– У тебя что, вместо волос железные нитки? – возмутился Совий, потирая щеку.

Я поджала губы и отвернулась, возмущенно буркнув:

– Не нравится – не стой под ударом.

– Вообще-то я принес сухие дрова, – парень наклонился и заглянул в печь. Оттуда клубами валил дым, категорически отказываясь уходить в трубу, и в избе уже повисло угарное марево. – Тю, кто ж сырые-то кладет? Ты их даже поджечь не сможешь, не то что вытянуть хоть немного тепла. Ты что, впервые печь топишь?

Я сунула пострадавшие руки под мышки и насупилась:

– Топлю не впервые. Только толку еще ни разу не было.

Совий повернул голову и окинул меня красноречивым взглядом, от которого мне захотелось пихнуть его посильнее, чтобы он сам в печь влетел, да заслоночку закрыть покрепче. Уверена, если б я это сделала, то огонь сумела бы развести в два счета. Увы, моим кровожадным мечтам не дано было сбыться. Лис, так и не сказав ни слова, вытащил тлеющие дрова, вынес их во двор и залил водой из стоявшего возле крыльца ведра. Вернувшись, он ловко заложил сухие, сладко пахнувшие деревяшки в печь и быстрыми движениями высек искру. Я замороженно наблюдала, как капля огня, похожая на маленькую звездочку, упала на ровный белый срез, как растеклась по нему ручейками и прожилками и как пламя мигом взметнуло алые ленты, набрасываясь на угощение с жадностью дикого зверя. Совий отгородил гудящий огонь заслонкой и выпрямился.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь теплом, струящимся от ладно сложенных камней. Думала, сделав дело, Лис уйдет,

но ни шаги, ни стук двери так и не прозвучали, и я неохотно приподняла ресницы. Оказалось, что наглый рыжий тип привалился к косяку, согнув локоть кренделем и постукивая пальцами другой руки по боку плетеной корзины, висевшей на этом самом локте. Я втянула носом воздух – и тут же широко распахнула глаза:

– Пирожки!

Надо ли говорить, что утренние пирожки кончились еще до обеда?

Лис усмехнулся, и я чуть покраснела. Но протянутые к корзине руки не опустила, напротив – сделала маленький шагок вперед, приближаясь к добыче.

– С тебя чай, – заявил Лис, приподнимая корзинку повыше.

Я скривилась, но запах был слишком манящий, чтобы устоять перед искушением. Да и печка разгоралась все сильнее, наполняя дом сухим жарким теплом, которое прямо-таки на глазах делало меня добрее. Так что я махнула рукой в сторону заваленного стола, а сама отправилась наполнять чайник водой.

* * *

– Вкусно, – с удивлением сказал Совий, заглядывая в чашку. – Надеюсь, ты не яд так прячешь?

Я не спеша доела малиновый пирожок, едва удержавшись,

чтобы не облизать пальцы, и потянулась за кружкой – той самой, с мухоморами. Первая вещь, которую я отмыла в этом доме.

– Много возни, – я отхлебнула пахнущего медом настоя. – Сначала с лесом надо познакомиться, а уж потом искать в нем ядовитые травы. Все, что у меня есть с собой, оставит след. Зачем мне пилить сук, на котором я так удобно устроилась?

Лицо Совия вытянулось: надо же, поверил. Я не выдержала и фыркнула в кружку. Он уперся спиной в стену и, прищурившись, взглядом пообещал мне страшную месть, а я в ответ ехидно ухмыльнулась.

Похоже, этот парень вспыхивает легко, словно сухая щепка, но и успокаивается столь же быстро. Утром он смотрел на меня волком, в обед пришел с гостинцами, наступил вечер – и вот мы уже чаевничаем, будто друзья какие. Я наблюдала за Совием, спрятавшись за кружкой, и размышляла, спросить или нет. Нарушать хрупкое перемирие не хотелось. Но я не знала, сколько оно продлится, а вопрос давил, мешая спокойно наслаждаться отдыхом.

– Почему ты хотел, чтобы я ушла?

Совий взял очередной пирожок. Но откусывать не стал, покрутил его в руках и буркнул:

– Будь ты обычной знахаркой, я бы первым попросил тебя остаться. Приречью и правда очень туго без лекаря. Сколько раз посылали гонцов к князю, да только ответ один: в иных

местах нечисти не меньше, людей не хватает, помощь не придет. Навья отрыжка!

Совий бросил печево обратно на стол и откинулся назад, запустив обе руки в волосы. Они тут же встали дыбом, и мне привиделось, что его голова охвачена пламенем.

– И тут ты – рагана. Почему, ну почему именно рагана? Кто угодно, хоть жрица Сауле, подошел бы больше! Но судьба привела тебя, – Совий закрыл глаза, как будто не хотел встречаться со мной взглядом.

Я прикусила губу. Снова поймала камень в свой огород, который и не сажала, и свести не могла. Скоро таких обломков хватит, чтобы построить склеп, в котором я себя и похороню.

– Пан Бур и пан Артемий иначе думают, – мой голос прозвучал тихо.

– Верно. Они меня слушать не стали. Поэтому ты все-таки здесь.

– Какая жалость, – я разозлилась. – Да, я здесь. Уж прости, что нарушила твой покой. А еще знаешь что? Никуда я по весне не пойду. Мне тут нравится. И дом, и люди – чудные, добрые люди, – и лес, и река, все здесь как для меня поставлено. Так что решено – остаюсь!

Я вскинула подбородок, прищурила глаза. Внутри натянулась тетива, грозящая вот-вот лопнуть. Посмотрим, что теперь он скажет!

Лис усмехнулся – едва-едва, горько изогнув уголки губ,

залпом допил чай и поднялся. Окинул меня взглядом с головы до ног и развернулся к выходу. Злость и разочарование натянули струну внутри еще сильнее.

– Эй, Лис. Ты зачем приходил вообще?

Совий молчал, и я уж думала, что он так и уйдет не ответив. Но я ошибалась.

– Хотел убедиться, что Анжей не натворил глупостей. Нам ведь и впрямь нужна целительница, а другой не предвидится.

И струна внутри вдруг ослабла.

Я смотрела в окно, как Лис быстрым шагом идет к калитке. Знающими ловкими движениями расправляется с заедающим засовом. Чуть приподнимает просевшую дверь. Качает головой и бурчит что-то под нос – из дома, конечно, не слышно, но я видела, как двигались его губы, – и наконец закрывает за собой калитку, явно уже решив, когда вернется ее чинить. На душе было тоскливо, но от дома, насытившегося огнем, шло ровное успокаивающее тепло, и постепенно грусть отступала.

Будь печное пламя котом, уверена, оно бы сейчас сидело на крыльце, ожидая, не вернется ли Совий почесать его за ухом.

Допив чай, я встряхнулась и засучила рукава. Ведь уборка – самое надежное средство отвлечься от непрошенных мыслей.

На следующее утро, позавтракав оставшимися пирожками, умывшись и наскоро переплеть косу, я подумала, что хорошо бы и во второй дом наведаться. Ведь на долгие месяцы моим святилищем, местом для проведения обрядов, неисчерпаемой кладовой и просто добрым другом будет он – лес.

Сплошная стена дождя накануне не дала толком рассмотреть, каков именно здешний лес, и меня снедало любопытство. Одевшись потеплее, я прихватила корзинку на случай, если новый друг сразу поделится своими дарами, и отправилась знакомиться. Конечно же, не забыв взять угощение для лесных духов.

Помимо навьих тварей, в нашем Беловодье жили и иные создания. У них был свой уклад и законы; они не стремились пробраться в города людей, а люди – чудные существа, привикающие ко всему, – и здесь умудрялись находить выгоду, подкупая соседей и получая взамен целебные травы, сведения о тайных тропах, а некоторые счастливики – и о старых, поросших мхом кладах. Впрочем, нечисть – она нечисть и есть. Вместе с дарами нечистики нередко подбрасывали людям неприятности, от безобидных шутих и лошадиных «яблоков» до цепких, не смертельных, но приставучих и неприятных заговоров на болезни и неудачу.

Сторож на воротах, видно, был предупрежден о моем по-

явлении. Волосы я предусмотрительно спрятала под платок. В который раз пожалела, что они не красятся, даже «неправильными» настойками знахаря Игнотия, но выбора не было – пришлось мотать на голове мало-мальски пристойное сооружение, подсмотренное на базаре у одной купчихи. Поэтому незнакомый мужчина только кивнул мне и напомнил, что на закате ворота закроются. Придется до утра куковать под забором. Я поблагодарила его за бдительность и выскользнула за пределы деревни.

На мгновение от страха закружилась голова. Мне вдруг почудилось, что на самом деле меня не приняли в Приречье и я стою на тракте без коня, денег и хоть какого-то понимания, как быть дальше. Но наваждение схлынуло, оставив в напоминание только заледеневшие пальцы, и я перевела дух. Все правда, Ясмена. Хоть и временно, но ты нашла себе дом.

Тропинка, узенькая, но вытопанная на славу, ложилась под ноги золотистой лентой. Она то пряталась в полегшей траве, то резво бежала по глинистому склону, в одном месте пересекала неширокий ручей и наконец ныряла в сонную дымку под голыми черными ветвями.

Вместе с лесом отправлялись спать и волшебные существа. Но я все равно оставляла на опушках, в корнях бережных деревьев и на широких плоских камнях угощение – хоть и листопад на дворе, но все же осень еще не настолько глубока, чтобы не нашлось ни одного бодрствующего листина⁸

⁸ Листин – в славянской мифологии дух леса.

или собирающего последние припасы бардзука⁹ Несколько раз оглядывалась и довольно улыбалась, видя, что угощение исчезло. Однажды увидела оставленный взамен пучок трав, похожий на тот, что я нашла в ночь, когда лечила Пирожка.

Ничьи злые глаза мне в спину не смотрели, и домой я вернулась спокойная и отдохнувшая, невзирая на гудящие, отвыкшие от долгой ходьбы ноги. Я была права – с этим лесом и всеми его жителями мне точно удастся подружиться.

⁹ Бардзуки – в прусской мифологии гномы, маленькие человечки, живущие под землей.

Глава 8

Дары и проклятия

Прошел месяц с того дня, как мы с Пирожком добрались до Приречья.

Погода устала рыдать, словно опытная плакальщица над гробом усопшего, и надулась темными клубами туч. То и дело облака не выдерживали ее холодного нрава, лопались, а из разрывов сыпался мелкий снежок. Любимый потрепанный плащ от стылости уже не спасал, и я порадовалась, что во время побега все же успела прихватить теплую куртку. Вот только жалко, что старую.

Мне очень нравился ее ворот, расшитый клевером, и я все собиралась его отпороть и перешить на новую куртку, да работы в последнее время навалилось через край. И в день, когда я спешно убиралась прочь из Полесья, именно прежняя куртка подвернулась под руку. Новая же, купленная аккурат к холодам, так и осталась лежать в сундуке под окном. Вот кому-то повезет...

Я скривилась и хлюпнула носом. Жалко было потраченных денег, но еще хуже становилось от мысли, что кто-то будет носить мою вещь. Мою! Ту, что я так долго выбирала и ходила вокруг, облизываясь, как лиса на курятник. Копила деньги, брала лишние заказы на снадобья, хотя и так была увешана ими по самую макушку. И все зря.

Злость и негодование я сорвала на сухих ветках волчьих бобов, неряшливо раскинувших резные листья далеко за пределы отведенного им кусочка огорода. До чего ж упрямая трава... Пускай вытяжка из его стеблей и цветов помогает выводить гной из ран и бороться с заражением, но уж больно он настырный. Посадишь один куст и не успеешь оглянуться, как тот превратится в десяток, а то и в два. Да еще и упрямится, когда пытаешься вытащить его из земли: цепляется острыми корешками, впивается, словно скрюченными пальцами, уходит на глубину, будто животное какая. Порой быстрее вилы сломаются, чем доберешься до переплетения корней.

Как есть упрямый.

Вот бы и мне такие корни занять.

Впрочем, мысль эта столь же глупа и наивна, сколь... желанна. Возможно, когда-нибудь мои скитания все же закончатся.

Я провела в бегах десять весен – с того ужасного дня, когда погибла мама. Нигде толком не задерживалась. Год в Полесье оказался самой долгой остановкой. Чаще всего я бро-

дила от одной деревни к другой, предлагая услуги травницы, тем и жила. Пару раз меня даже звали остаться, вот только отнюдь не лекарем.

Отряхнув руки, я выпрямилась и заново осмотрела разлапистый куст. Потом оборвала весь сухостой, вытянувшийся уж слишком далеко, и, немного смущаясь, прошептала над растением один из простеньких заговоров, которыми пользовалась, сколько себя помнила. В таких незатейливых песенках была особая сила и искренность, совсем непохожая на велеречивые былины сказителей, таких же бродячих и бездомных, как я, но куда более уважаемых. Произнеся знакомые слова, я будто воочию увидела, как с началом червня¹⁰ промеж зеленых розеток зажигаются свечи соцветий. Розовые, белые, сиреневые, крапчатые – яркие брызги мелких цветов на долгое время превратят обычный сорняк в настоящее чудо, с которым не каждая садовая красавица потягаться сумеет. И я отступилась.

Но желание занять такие же крепкие корни, как у сбереженного волчьего боба, уже проросло в моем сердце.

Осторожное покашливание словно вытянуло по хребту хворостиной. Я резко выпрямилась и повернулась к непрошеному гостю. Точнее, гостье. Та самая Марьяна, которую я спасла от морового червя, робко улыбалась мне через грядки. Памятуя, что только благодаря ей мы с конем не остались встречать осень на тракте, я выдохнула и растянула губы в

¹⁰ Червень – по-украински июнь.

ответной улыбке.

После избавления девчонки от невесты как попавшей в ее тело навъей твари я еще седмицу жила в доме головы, следя, чтобы выздоровление шло как надо. Впрочем, Марьяна удивительно скоро пошла на поправку. Молодое тело с радостью начало выздоравливать, словно каждая капелька крови торопилась забыть пережитый ужас. Поэтому вот уже седмицы три я только снабжала Артемия снадобьями, а саму девушку видела лишь мельком и издалека.

Я по привычке окинула Марьяну цепким взглядом лекаря: как она двигается, куда смотрит, какое выражение принимает ее лицо. Ничего не напоминало о тени, что грозила ей еще недавно. От моего пристального внимания девушка покраснела, но, против ожидания, не смутилась, а высоко вскинула голову и озорно подмигнула:

– Что, нравлюсь?

– Конечно. А изнутри еще больше. Прекрасно помню это яркое зрелище, – сухо отозвалась я.

И снова удивилась – Марьяна не скуksилась от резких слов, а напротив, заливисто расхохоталась и подошла ближе. Я снова, как в первый раз, залюбовалась ее по-собольи мягкими темными волосами. А о том, что отбрасывала свою надоедливую белую косу испачканными в земле руками, предпочла не думать.

– Я поблагодарить хотела, – Марьяна ковырнула носком сапожка – недешевого, надо заметить, – мерзлую землю и

наконец показала руки.

В маленьких ладонях лежал серебристый сверток. По краю мелькнула зеленая нитка. Я неловко приняла подарок и глянула поверх него на девушку. Мои губы чуть шевельнулись, выпуская на свободу пару слов – едва заметных, будто прикосновение перышка к коже. Человек ничего не почувствует, зато я увижу, как на секунду изменится выражение его лица. Станет похотливым, жестким, злым, равнодушным – настоящим.

Или же останется смущенно-улыбчивым, как только что произошло с Марьяной.

Передав мне сверток, Марьяна сцепила пальцы в замок и указала подбородком на мои ладони, сжавшие дар немного сильней нужного.

– Откроешь? Хочу проверить, подойдет ли. Хотя у меня глаз наметанный, но я тебя видела словно сквозь воду, могла и оплошать.

Я не торопилась разворачивать ткань, хотя она так приятно грела кожу, что удержаться было сложно. Смотрела внимательно на девушку, а та не отводила синих глаз: только изогнула тонкую черную бровь, будто спрашивала, что опять мне не нравится.

– Про воду – это жар...

– Да я знаю, кто ты! – перебила она меня, махнув рукой. – Не трудись. Мы здесь в Приречье к раганам относимся так же, как и к иным кудесникам – волхвам или колдунам. Ко-

нечно, направо и налево о том не кричим. Сама понимаешь, любопытных ушей и длинных языков вокруг много. Но тебе рады. Ну... почти все...

На последних словах дочка головы наконец-то смутилась по-настоящему и дернула себя за косу тем же жестом, что я часто видела в зеркале. Внутри проклюнулась робкая надежда, что, может, и не только в этом мы с ней похожи.

Я наконец развернула подарок, встряхнула и тихо охнула. Прекрасная тонко выделанная куртка – снаружи кожа, пропитанная составом от намокания, внутри теплый мех, упрямый в мягкий бархатный подвой, – тускло сверкнула в редких лучах осеннего солнца. Капюшон оказался оторочен тем же мехом, что был вшит внутрь. По краю рукавов и вороту вилась тонкая изящная вышивка. Я провела подушечкой пальца по шелковистым ниткам.

В душе шевельнулось что-то давно позабытое. Какое-то почти незнакомое чувство – когда тебя распирает восторгом, словно ты проглотила облако, и оно теперь ширится внутри, поднимает тебя к небесам, и ты вот-вот взорвешься брызгами радости. И чтобы не разорвало и удалось еще хоть разок пережить нечто подобное, нужно бежать как можно скорее к маме или подруге, рассказать всем, выплеснуть на них хоть немного этой радости. Такое бывает только в детстве – счастье от подарка, который желаешь отчаянно, но знаешь, что никогда не получишь, – и вдруг получаешь.

Марьяна осторожно вытащила куртку у меня из рук и на-

бросила на плечи. Четырехлистники клевера скользнули по щеке, и мне захотелось по-кошачьи потереться о них лицом. Синеглазая девушка улыбнулась и кивнула:

– Тебе очень идет. И с меркой я все же угадала, славно. В наших краях осень подчас не теплее зимы бывает. А если знахарка сама сляжет с простудой, кто же будет других лечить?

– Благодарю, – хрипло выдохнула я, не решаясь тронуть красивейшую вещь грязными руками.

Марьяна кивнула и пошла вокруг дома к калитке. Уже заворачивая за угол, она вдруг обернулась и крикнула мне, все так же стоявшей посреди огорода со сжатыми кулаками:

– Можно я еще загляну? Просто так, поболтать?

Наверно, я все еще была под впечатлением от новой куртки – ничем другим не объяснить то, что мои губы сами собой шевельнулись, а голос дал петуха, говоря:

– Заходи.

Дочка головы радостно помахала и убежала, звонко стукнув калиткой.

А я стояла и качала головой, пытаюсь понять: что же витает в воздухе этой деревни, раз я разрешила кому-то приходить в гости?

* * *

Проведя целый день в делах, к вечеру я не чуяла ног. До-

плелась до пахнувшей свежесрубленным деревом кровати и упала на нее ничком, раскинув руки. Сил не осталось ни на что. Надо было встать и сменить грязную одежду на ночную рубаху, но коварный голосок внутри нашептывал, что иногда можно и закрыть глаза на чистоту.

Наверно, он все же добился своего. Потому что стук в дверь вырвал меня из тревожного мутного сна, к счастью, еще не успевшего стать кошмаром. Я кубарем скатилась с кровати и зажгла свечу. Ноги коснулись холодного пола, и я крупно вздрогнула, беззвучно костеря ночных визитеров. Стук не прекращался, до боли напомнив последнюю ночь в Полесье, но я отогнала непрошенные воспоминания и побежала открывать.

Стучали сильно, тревожно, и, прислушавшись, я различила голос Совия. Распахнув дверь, столкнулась с Лисом нос к носу и уже открыла рот, чтобы спросить, какого блазенья ему понадобилось, как из-за его спины выглянул незнакомый парень. На вид – помладше Лиса, худой, с умными, но грустными глазами. Парнишка мял в руках шапку, пламя свечи падало на белое то ли от страха, то ли от переживаний лицо.

– Помощь твоя нужна, – не здороваясь, начал Совий.

– Понятно, что не на свидание пришел позвать, – я фыркнула и открыла дверь пошире. – Заходите и рассказывайте, пока собираюсь.

– Я к ней не пойду, – незнакомец отшатнулся, но тут же замаялся и посмотрел виновато. – Батя не велел...

– А я на пороге слушать не буду, холодно. К тому же время тратить на беготню туда-сюда после каждого твоего слова? Уволь. Я еще не настолько проснулась.

Я натянула расхристанное после сна платье на плечи, собрала волосы в пучок, развернулась и пошла к полкам со снадобьями.

Совий втолкнул товарища в избу – уж не знаю, словом или дружеской зуботычиной, – и теперь парнишка переминался с ноги на ногу, испуганно стреляя глазами по сторонам. Я тоже украдкой осмотрелась, наслаждаясь видом. Впрочем, гостю он, верно, пришелся не по душе, лицо его так и осталось бледным. Я беззастенчиво отодвинула Совия с дороги и сунула его чахоточному приятелю под нос пузырек с едким зельем – купец, у которого я его нашла, сказал, что называется оно нашатырь. После того как гость прочихался и поименно вспомнил всех богов, начиная с Вельнаса¹¹, я взяла корзину, где уже лежали инструменты, и грозно спросила:

– Ну?!

– Его отца укусил нетопырь. В шею, вот тут.

– На себе не показывай, – суеверно прикрикнула на Лиса. Белобрысым ураганом пронеслась по комнатке, собирая необходимые травы. Приятель Совия, услышав мои слова, замахал рукой возле шеи и сплюнул через левое плечо.

Надеюсь, не на мои чистые полы.

¹¹ Вельнас (Велняс) – в балтийской мифологии противник бога-громовержца Перкунаса, владыка загробного мира.

Собрав все нужное, я сняла с крючка плащ и кивнула:

– Ведите к раненому.

По пути Совий тихо рассказывал мне, как отец бледного парня умудрился налететь на нетопыря. Я уже знала, что приреченцы каждую седмицу прочесывают окрестности в поисках притаившихся навых тварей. В этот раз они нашли целое гнездо нечисти. Василий убил детеныша, а озверевшая мать пробилась-таки сквозь все заслоны и вырвала кусок плоти из шеи печника. Чудо, что немного промахнулась. Вот только яд нетопыря вполне способен довершить начатое в ближайшие часы.

В отличие от Марьяны, этот недужный в постели не валялся, хотя от опасной раны близ яремной вены уже потекли синие ниточки отравы. Старик сидел прямо, широко расставив ноги и придерживая одной рукой наспех наложенную повязку. Вторая лежала на колене, пальцы были сжаты в кулак, костяшки побелели. Я втянула носом воздух и узнала запахи календулы и подорожника. Неплохо, но слишком слабо для таких повреждений.

Его терзает боль.

– Пошла вон, – с порога, не глядя на меня, гаркнул старик.

Из-за моей спины выглянул парень, чье имя я так и не удосужилась спросить.

– Батя...

– И ты вместе с ней катись! – проревел старик и закашлялся. Сплюнул кровью, отер губы и посмотрел на ладонь. –

Сами сладим. А нет, так пойду к богам в чистой рубахе! Еще не хватало портить нитку, якшаясь с ведьмой.

Я с трудом подавила желание послать мерзкого старика подальше, хоть в самую Навь. Меня остановил ровный голос Совия:

– Василий, не глупи. Без помощи знахаря ты не выживешь, и тебе самому о том известно.

– Помолчи, щенок, тебя никто не спрашивал, – грубо оборвал Лиса старик. – Сам уже испачкался, других не портить. Богуяр, отойди от него! Сколько раз говорил тебе, не смей с этим лаумовым отродьем дело иметь. Иди спать. Утром потолкуем.

Ба, так Лиса тут тоже не все любят? Я искоса глянула на Совия, невольно ему сочувствуя. Жить с клеймом лаумова отродья – то еще развлечение. Мне, рагане, об этом известно как никому иному. Но Совию должно быть еще обиднее. Обычных людей эти слова жгут похлеще крапивы. Ведь ими бросаются, когда намекают, что человек с навьими тварями путается, служит им в обмен на золото или исполнение желаний. Пусть я недолго пожила в Приречье, но увидела достаточно, чтобы понять: Совий здесь последний, кому можно было бы навесить жестокое прозвище.

Впрочем, было и еще одно толкование.

Не все в Беловодье любили дейвасов. И в глухих волостях, где привыкли с навьями договариваться чаще, чем с людьми, именно так называли огненных колдунов.

От страшной мысли все внутри задрожало, даже руки затряслись. Я глубоко вдохнула и поставила перед ужасом мысленный заслон. Глупости все это. Окажись Совий дейвасом, меня бы уже не было в живых.

В лице Лиса не дрогнула ни одна черта, словно он привык к этим оскорблениям или же, что более вероятно, не собирался доставлять удовольствие склочному старику, показывая, что тот сумел его задеть. Ломаные синие линии на шее Василия прямо на глазах медленно расплзались все дальше: повязка уже не могла их скрыть. Я вышла вперед.

– Утром толковать вы будете разве что с Пряхами, когда они станут надевать на вас рубашку загробного мира. Яд навъей твари в вашем теле. Пройдет совсем немного времени, и он доберется до сердца. Тогда начнут отказывать органы, куда оно погонит дрянную кровь. Вы будете умирать медленно и мучительно.

Богуяр побледнел еще больше, но Василий по-прежнему на меня не смотрел. Только пальцы опущенной руки сжались сильнее, еще чуть-чуть – и кожу пропорет ногтями.

– Если ты мне сын, выкинь отсюда эту девку вместе с ее рыжим дружком, – приказал он Богуяру.

У парнишки тряслись губы, когда он протянул руку, чтобы вывести меня из дому. Я только дернула плечом, отгоняя его, и подошла еще ближе к раненому. Он действовал быстро, как воин на поле брани: рука метнулась к поясу, и в мою грудь нацелился листовидный нож.

– Я сказал, не подходи, нечисть, – Василий наконец-то посмотрел на меня.

Зрачок сузился в крошечную точку, оружие подрагивало, потому что от сжигающего его яда начало мутнеть зрение, но печник был непреклонен. Льняную рубашу со стороны укуса заливала кровь.

Ткань была разорвана и на боку, но там была всего лишь царапина, а вот шейей следовало заняться немедленно, иначе он не дотянет не то что до утра, даже до момента, пока я выйду за калитку.

Я с тоской огляделась, ища хоть что-то, что поможет мне подойти к упряму хотя бы еще на пару шагов. Этого хватит.

Взгляд зацепился за маленькую куколку-мотанку, притулившуюся на столе. Похоже, малыш позабыл ее, увлекшись играми, а дед не стал напоминать.

Тогда я поняла.

И сказала:

– Но вы же хотите жить. Хотите увидеть, как ваш сын женится на хорошей девушке. Катать внуков на шее. Справить добрую печь в доме своей новой большой семьи. Хотите, чтобы вокруг вас снова звенел смех и шумели голоса. Ведь так?

Я спиной чувствовала внимательный взгляд Совия и полный надежды – Богуяра. Очень хотелось закатить глаза и выставить парней вперед – чтобы сами уговаривали непробиваемого печника.

– Куда спешить? На богов вы будете любоваться всю веч-

ность. А дни с родными – это роскошь, которую нужно ценить до самой последней минуты. Стоит ли добровольно отказываться от этого дара?

Говоря это, я медленно продвигалась вперед. Нож дрожал все сильнее, печник морщился и стискивал рану. Я кусала губы, напряженно смотря, как расплзается заражение. Василий все еще не попытался напасть, и в душе проклянулся крошечный росток надежды. Он слушал меня. Нехотя, через силу, но слушал.

Еще шаг.

– Что ты можешь знать о семье, ведьма? – четко выговорил Василий.

Нож зазвенел, выскользнув из ослабевших пальцев. Печник свесил голову и пошатнулся, едва не упав со стула. Я бросилась вперед, успев подхватить тяжелое тело, и рывкнула на опешивших парней:

– Ну, чего уставились? Быстро, на стол его!

Богуяр одним движением смахнул всю нехитрую утварь на пол. Совий, оказавшийся рядом и поддерживавший сомлевшего Василия еще прежде, чем я успела договорить, открыл было рот, но я только мотнула головой: все вопросы потом.

Втроем мы перетаскивали жилистого печника на стол. Я развернула тряпицу с инструментами и привычно скомандовала:

– Горячую воду, две плоски и чистые лоскуты!

Наклонилась над Василием, сорвала пропитавшуюся кро-

вью повязку и положила руки прямо на рану. Ну, начнем.

* * *

Я вышла в сырой ночной воздух и вдохнула его полной грудью. Несмотря на то что днем опять почти беспрестанно лил дождь, сейчас небо было чистым и глубоким. Казалось, если долго в него смотреть, то я стану такой же крохотной и нестерпимо яркой искоркой, как те, что усыпали его мелкой искристой пылью. Взлечу и запутаюсь в мягком бархате ночи. А кто-то будет смотреть на меня с земли и мечтать. Или даже сочинять сказки...

Теплые руки набросили на плечи мою новую куртку. Рядом со стуком встала кружка с горячим чаем, и я обрадовалась ей не меньше, чем первому завтраку в доме Бура. Горячее тепло потекло по горлу и согрело изнутри. Хотя, пожалуй, оно было слишком горячим. Я поперхнулась и удивленно воззрилась на опустившегося рядом Лиса:

– Ты что, налил в чай самогонки?!

– Я видел, как тебя трясло, – невозмутимо отозвался наглец. – В таких случаях самогонка поможет вернее, чем чай.

– Лучше всего помогли бы мои отвары, но до них надо еще дойти, – я осторожно понюхала чашку. Пахло не так уж мерзко, и я решила и отхлебнула еще глоточек.

– Как Василий?

– Спит. Богуяр позаботится о нем, не волнуйся.

– Надеюсь, когда он придет в себя, то не проклянет сына и не выставит его за дверь.

Мне, конечно, было мало дела до мямли Богуяра, но все равно не хотелось становиться той, из-за кого он потеряет дом.

– Даже если и прогонит, потом успокоится и позовет обратно. Ты была права, когда сказала Василию про семью. Он и правда мечтает о внуках. Его жена погибла пару весен назад, и с тех пор в их доме слишком тихо. Елена была хохотушкой, румяная, пышная, обожала гостей и шумные посиделки.

– А... отчего она умерла? – тихо спросила я, стискивая кружку ледяными пальцами.

– Ее укусил нетопырь. Умений знахарки не хватило. Кто-то сказал, что в соседнем городе видели рагану, и Василий бросился за ней. Но она отказалась помочь, уж не знаю почему, и Елена умерла. Василий вмиг почернел, думали, следом уйдет. Но выкарабкался. С тех пор охотится на навьих тварей в числе первых.

– А еще возненавидел раган. Понятно теперь, по чьей милости, – хмыкнула я.

Небо заволокло тучами, снова начал накрапывать мелкий дождь.

Решившись и единым махом допив содержимое кружки, я встала и запахнула серебристую куртку, собравшись уходить. Но вдруг Совий схватил меня за руку выше запястья. Я

удивленно вздрогнула и посмотрела в ореховые глаза, в ночном сумраке казавшиеся почти черными.

– Василий ведь не сам в обморок свалился? Ты помогла?

Я улыбнулась и мягко высвободилась. Ладонь Совия была горячей и мозолистой, привыкшей к оружию. Даже странно, как осторожно он меня держал.

Конечно, Лис был прав. Мелкий порошок сон-травы прилетел в лицо Василию, как только я оказалась достаточно к нему близко. Но раскрывать секреты своего дела едва знакомому мужчине я не собиралась. Поэтому и отвечать не стала.

– Я оставила травы, пускай Богуяр заваривает их по щепотке на чашку и поит отца три раза в день. И еще мазь – ею надо смазывать рану при каждой смене повязок. Будет шрам, если Василий захочет, я смогу его постепенно свести к едва заметному.

– Сомневаюсь, что он позволит, – покачал головой Совий, сделав вид, что не заметил, что я не ответила на его вопрос.

– Его право, – я подхватила свою корзинку и набросила капюшон. – Главное, он будет жить, а уж с красотой как-нибудь сам разберется. Бывай, Совий. Надеюсь, в ближайшие часов шесть никого больше не покусает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.